

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ВОПРОСЫ
СЛАВЯНСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

7

ВОПРОСЫ
СЛАВЯНСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1952

Ответственный редактор
В. А. СМЕРНОВА

С. Б. Бернштейн

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА В ЯЗЫКОЗНАНИИ

§ 1. И. В. Сталин поставил перед советскими лингвистами задачу дальнейшего развития сравнительно-исторического языкознания. Это сформулировано им следующим образом:

1. Изучение языкового родства славянских наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка.

2. Теория «праязыка» не имеет никакого отношения к изучению языкового родства.

3. Сравнительно-исторический метод, несмотря на все его недостатки, может быть использован лингвистами, так как он «толкает к работе, к изучению языков»¹.

Эти указания И. В. Сталина определяют направление всей работы в области сравнительно-исторического языкознания. Они убедительно говорят о том, что перед нами стоит задача не возрождения старой сравнительно-исторической грамматики, с которой в течение длительного периода боролись марристы. И. В. Сталин ставит перед нами новые задачи.

Специалисты по сравнительной грамматике славянских языков при помощи сравнительно-исторического метода восстанавливали исчезнувшие формы общеславянского языка. Специалисты по сравнительной грамматике индоевропейских языков пользовались данными общеславянского и других языков для восстановления общеиндоевропейского языка. Большое значение сравнительно-исторический метод имеет при изучении истории отдельных родственных языков. Указание И. В. Сталина на то, что изучение языкового родства должно дать ценный материал для выявления законов развития языка, совершенно по-новому определяет основную задачу сравнительно-исторического языкознания.

Сравнительно-историческое языкознание имеет большие достижения. Однако нужно сказать, что оно, начиная с первой половины XIX в., развивалось в значительной степени обособленно от теоретического языкознания. Специалисты по сравнительной грамматике давали богатый материал для теоретических обобщений, но сами этих обобщений обычно не делали. Языковедам-сравнителям часто приходилось выслушивать справедливые упреки в эмпиризме, часто идущие от своих же собратьев (см. отдельные высказывания Бодуэна де Куртенэ и др.). «Основной ошибкой сравнительной грамматики, — писал Соссюр, — такой ошибкой, которая в зародыше включала в себе все прочие, было то, что в своих исследованиях, ограниченных к тому же одними лишь индоевропейскими

¹ И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 33.

языками, представители этого направления никогда не задавались вопросом, чему же соответствовали делаемые ими сближения, что же означали открываемые ими отношения»¹. Сосюр имел в виду главным образом сравнительное языкознание середины XIX в. (период Шлейхера). Однако справедливость его слов может быть хорошо подтверждена и гораздо более поздними примерами (вплоть до наших дней).

Положение И. В. Сталина, что изучение языкового родства славянских наций может дать много для изучения общих законов развития языка, предостерегает советских лингвистов от эмпиризма и выводит их на широкий путь теоретического языкознания.

§ 2. Из второго положения И. В. Сталина ясно вытекает, что сравнительное изучение родственных языков не должно обязательно ограничиваться восстановлением «праязыка» (или, по принятой теперь у нас терминологии, «языка-основы»). Оно должно прежде всего вскрыть законы развития языка. Указание И. В. Сталина обязывает нас также критически относиться к самой теории «праязыка».

Теория «праязыка» состоит не только в признании существования «праязыка» (или «языка-основы»). Она стремится также как-то объяснить возникновение этого «праязыка».

Недостатки и даже пороки теории «праязыка» нам ясны уже теперь. Основной порок — это отсутствие у исследователей подлинно исторической точки зрения. На это указывали, между прочим, отдельные представители языкознания (главным образом русского) еще в прошлом столетии. Напомним, что именно по этой линии шла критика ряда положений сравнительной грамматики со стороны выдающегося русского лингвиста, основателя так называемой «казанской» школы И. А. Бодуэна де Куртене. В своей замечательной статье «Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний», написанной еще в 1870 г., Бодуэн де Куртене выдвигает ряд важных для современного советского языкознания положений. В статье дана правильная критика статичной теории именных основ, пользующейся широким распространением даже в настоящее время. До сих пор в курсе старославянского языка говорят об основах на -а, на -о и пр., забывая, что не только в старославянском языке, но и в поздние эпохи общеславянского языка никаких основ на -а, на -о и пр. уже не было.

Большое внимание следует обратить на вопросы соотносительной хронологии. Постановка этих вопросов в языкознании не нова. Им уделялось внимание в трудах Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и других лингвистов. Уделяется им внимание и в современном языкознании. Однако в теории «праязыка» проблемы соотносительной хронологии играли совсем не такую роль, какую они должны играть в советском языкознании. Бесспорно, что только установление соотносительной хронологии древнейших процессов уничтожит искусственную грань между дописьменным (его ошибочно называют часто доисторическим) и письменным периодами в истории языков.

Решение проблем соотносительной хронологии важно еще и потому, что оно дает возможность выявить взаимосвязь между отдельными сторонами языка. В теории «праязыка» язык до сих пор фактически рассматривается как механическая совокупность отдельных его особенностей, тогда как язык во все периоды своей истории должен рассматриваться как система.

¹ Ф. де Сосюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 30.

Отсутствие историзма в теории «праязыка» сказывается и в том, что большинство ее сторонников не видит подлинных различий между фонетическими и морфологическими процессами. Почти во всех работах по общеславянскому языку индоевропейские чередования гласных рассматриваются в фонетике, тогда как совершенно очевидно, что в общеславянском языке они выступают уже как существенный фактор словообразования. В этом отношении особенную ценность для нас представляют работы А. Мейе, который лучше своих современников умел подмечать различия между фонетическими и морфологическими процессами. Впервые, вопреки установившейся традиции, Мейе в своем курсе общеславянского языка рассматривает индоевропейские чередования гласных в разделе морфологии. Всем этим вопросам советские слависты должны уделить особое внимание.

Очень много для понимания всех сложных форм взаимоотношений между различными сторонами языка, между различными процессами дает лингвистическое картографирование современных говоров. Теория славянского «языка-основы» не может быть разработана полностью без данных славянских лингвистических атласов. Весьма ценен в этом отношении «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», составленный в Институте языкознания АН СССР.

Исследователь в области сравнительной грамматики родственных языков никогда не должен забывать слов И. В. Сталина, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹. Реконструируемое нами древнейшее языковое состояние не является внеисторическим. Исследователь древнейших эпох в истории славянских языков имеет дело с родовыми и племенными языками. Реконструкции общеславянского и общеиндоевропейского языков отличаются между собой не только степенью достоверности, но и тем, что эти языки связаны с различными эпохами истории человечества.

Нельзя сказать, что старые языковеды не понимали, что статичное представление о «праязыке» является ошибочным. Именно в этом направлении и шла критика Шлейхера. «Для Шлейхера, — писал В. Томсен, — он («праязык». — С. В.) служит, естественно, лишь ступенью, которая образует границу между двумя, им же установленными, большими периодами в жизни языка — между развитием и упадком. Но, как таковой, он верно не мог быть застывшим единством, он должен был употребляться в течение периода, возможно равного тысячелетиям и, конечно, за это время подвергаться значительным изменениям, если даже не учитывать того, что он должен был нести в себе с очень далеких времен зародыши различных диалектов»². Аналогичных высказываний можно было бы привести много. Однако нужно сказать, что в самой исследовательской практике сделано было мало для того, чтобы с помощью реконструкций изучить развитие «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей»³. Ни одна конкретная работа, посвященная общеславянскому языку, в этом отношении удовлетворить нас не может.

Много ценных мыслей для построения подлинной истории «языка-основы» было высказано в ряде докладов на объединенной сессии

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

² В. Томсен. История языковедения до конца XIX века. М., 1938, стр. 87.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

Института языкознания, Института этнографии, Института истории материальной культуры и Института истории АН СССР осенью 1951 г.

§ 3. И. В. Сталин указал, что сравнительно-исторический метод имеет достоинства и серьезные недостатки. Это положение И. В. Сталина было конкретизировано в нескольких статьях. Б. А. Серебренников в общем удачно на конкретном материале показал эти достоинства и недостатки. Однако полное их выявление возможно лишь при точном определении границ применения этого метода, взаимоотношения его с другими приемами лингвистического исследования. Это необходимо сделать теперь, так как перед нами, советскими славистами, поставлена важная научная проблема — создание сравнительной грамматики славянских языков. «Необходимо в ближайшие же годы написать сравнительно-историческую грамматику славянских языков»¹. Лишь четкая формулировка содержания сравнительно-исторического метода (приема) даст нам возможность построить правильный план работы, точно определить наши задачи, установить границы исследования и многое другое.

Это представляется тем более важным и своевременным, что в некоторых статьях последнего времени мы встречаемся с ошибочным определением недостатков сравнительно-исторического метода. Так, В. П. Петрусь видит «главный недостаток метода обобщений сравнительно-исторического языкознания» в том, что он связан с теорией «распадения» языков. Автор приписывает этой теории не существующее в действительности учение о в н е з а п н о м распаде, что, по его толкованию, сближается с марровским учением о взрывах².

§ 4. Сравнение в процессе познания играет большую роль. Однако нужно всегда строго различать с р а в н е н и е как одно из средств познания и сравнительный метод (или прием), получивший в некоторых науках (например, в биологии, в языкознании) широкое применение. Именно на это обратили внимание Маркс и Энгельс, которые в 1845 г. в «Немецкой идеологии», через 12 лет после выхода в свет первого тома сравнительной грамматики Ф. Боппа, писали: «Впрочем, Санчо знаком только с методом сравнения литераторов и болтунов, приводящим к тому глубокомысленному выводу, что Санчо не есть Бруно, а Бруно не есть Санчо. Но он, конечно, совершенно не знаком с науками, которые достигли больших успехов лишь благодаря сравнению и установлению различий в сфере сравнения и в которых сравнение приобретает общезначимый характер, — с такими науками, как сравнительная анатомия, ботаника, языковедение и т. д.»³.

Сравнительный метод является одним из научных приемов, дающих возможность в языкознании путем сравнения решать вопросы происхождения и истории языка. Таким образом, в языкознании он является не просто сравнительным, но с р а в н и т е л ь н о - и с т о р и ч е с к и м методом.

Проф. А. И. Белецкий справедливо пишет, что «русская литература развивалась не в изоляции от всех зарубежных литератур и что с р а в н е н и е (подчеркнуто нами. — С. Б.), один из основных приемов познания, не только вполне допустимо, но и необходимо для понимания изучаемых явлений»⁴. Возражать против подобного сравнения было бы нелепо.

¹ В. В. Виноградов. Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке. См. сб. Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». М., 1951, стр. 109—110.

² См. «Славянская языковая общность и славянские языки». ИАН, ОЛЯ, М.—Л., 1951, X, 4, стр. 363.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 429.

⁴ «Значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для советского литературоведения». Киев, 1950, стр. 18—19.

Однако автор идет дальше и предлагает литературоведам «задуматься» над применением сравнительно-исторического метода «в нашей практике», т. е. в литературоведении. Думаем, что советские литературоведы этот вопрос уже решили и решили правильно. Применение сравнительно-исторического метода в литературоведении приведет к отрицанию литературы как надстройки, к теории странствующих сюжетов. Нужно помнить, что сравнительно-исторический метод использует сравнение для установления происхождения сравниваемых явлений. Компаративист в области литературоведения не просто будет сравнивать Пушкина и Байрона, но будет объяснять характер творчества Пушкина влиянием Байрона.

Славист-лингвист пользуется сравнительно-историческим методом, так как он имеет дело с группой родственных языков, т. е. языков, восходящих к одному «языку-основе». Часто говорят и о родстве славянских литератур, но это родство совсем другого рода. Здесь уместно вспомнить указание И. В. Сталина о том, что нельзя смешивать культуру (в данном случае литературу) и язык: «...Культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остаётся в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую»¹.

До появления гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию среди советских лингвистов получило широкое хождение учение о надстроечном характере языка. Оно являлось серьезным препятствием, помехой в развитии сравнительно-исторического языкознания и самого сравнительно-исторического метода. В лучшем случае этот метод мог быть сведен к простому сопоставлению, допустимому, например, в литературоведении или искусствознании. «Надстройка, — пишет И. В. Сталин, — есть продукт одной эпохи, в течение которой живёт и действует данный экономический базис. Поэтому надстройка живёт недолго, она ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса»². Учение о надстроечном характере языка разрушало основы любой сравнительной грамматики, так как, согласно этому учению, каждая эпоха (каждый базис) создавали свой язык, качественно отличный от языка предшествующей эпохи. Если бы это было так, применение сравнительно-исторического метода в языкознании и в литературоведении ничем принципиально не отличалось бы. Работы И. В. Сталина навсегда похоронили теории о надстроечном и классовом характере языка, о взрывах в развитии языков, марровское учение о стадильности. И. В. Сталин показал, что язык является продуктом ряда эпох, что «элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства», что язык развивается «путём постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путём постепенного отмирания элементов старого качества»³. Вот почему в языкознании не только возможно, но и необходимо применение сравнительно-исторического метода. Любой современный индоевропейский язык не только сформировался в глубокой древности, но и сохраняет многочисленные следы древнейших процессов. Сравнительно-исторический метод дает возможность выделить следы различных эпох в современном языке, установить соотносительную хронологию различных процессов, определить характер родственных связей между языками, восстановить древнейшие формы «языка-основы». Индоевропейский

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 21—22.

² Там же, стр. 9.

³ Там же, стр. 26, 27.

«язык-основа» относится к древнейшей эпохе (вероятно, к эпохе позднего мезолита). Несмотря на это, лингвисты располагают ценнейшими источниками для его изучения. Источники эти — древние и современные индоевропейские языки.

§ 5. Марристы, как известно, решительным образом отрицали существование внутренних законов развития языка. По их мнению, все языковые изменения были обусловлены развитием базиса. В признании существования внутренних законов развития языка они видели одну из характерных особенностей идеализма в языкознании, несмотря на совершенно ясное заявление Энгельса, что «едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, объяснить экономически... происхождение верхненемецкого передвижения согласных...»¹ И. В. Сталин подверг это положение марристов суровой и справедливой критике. «...Главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка...»² Это положение И. В. Сталина имеет для нас огромное значение. Сравнительно-исторический метод в языкознании при отрицании внутренних законов развития языка — бессмыслица. Таким и представляется он в трудах марристов.

Подрывают основы сравнительно-исторического языкознания и те лингвисты, которые сводят, например, все звуковые изменения к явлениям звуковой субституции, т. е. к звуковым заменам в результате замещения слов (различные теории субстрата, диалектографическая школа Жильерона и др.). Отдельные случаи звуковой субституции лингвистам известны (например, явления «соканья» и «шоканья» в славянских языках). Однако эти частные случаи нельзя возводить в общий закон, а самое главное — и эти частные случаи нередко объясняются внутренними законами победившего языка³. Теория субстрата вступила в противоречие с данными сравнительно-исторического языкознания.

§ 6. Сравнительно-исторический метод применяется лишь при изучении родственных языков. Это вполне оправдано, так как с его помощью мы восстанавливаем реальные формы «языка-основы», вскрываем закономерности в развитии родственных языков. Этот метод дает нам возможность восстановить акцентную систему общеславянского языка, определить условие утраты редуцированных в отдельных славянских языках и многое другое. Отрицание генетического родства языков неизбежно приведет исследователя к отрицанию сравнительно-исторического метода. Любая попытка эклектического соединения метода сравнительно-исторического языкознания с антинаучной марровской палеонтологией терпела полный крах (ср. работы А. В. Десницкой и М. М. Гухман).

И. В. Сталин реабилитировал в советском языкознании понятие генетического родства языков, указав в качестве примера на родство славянских языков, решительно отрицавшееся марристами. Похоронена навсегда «теория» Марра и его последователей о якобы расистской подоснове учения о родстве языков, о происхождении родственных языков из одного языка-предка. «После опубликования работ И. В. Сталина, — пишет А. С. Чикобава, — следует признать бесспорным, что родство языков по

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. 1947, стр. 423.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

³ Об этом подробнее см. в нашей статье «Вопросы изучения славянских языков в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. III, М., 1951, стр. 25—26.

происхождению не является понятием расовым, оно не имеет ничего общего с расизмом»¹.

Лингвист может стать и на путь сравнения неродственных языков. Такое сравнение может быть вполне оправданным и целесообразным. В качестве примера можем сослаться, скажем, на известную диссертацию Ф. Е. Корша «Способы относительного подчинения» (М., 1877), в которой для более глубокого уяснения отдельных фактов индоевропейских языков приводятся параллели из тюркских и семитических языков. Подобные сопоставления очень важны при изучении изменений значения слов. В семантических изменениях часто обнаруживается много общего в языках различного происхождения².

Очень важным представляется нам сопоставление языков при практическом их изучении. «Сопоставление систем двух языков, например русского и какого-нибудь другого из национальных языков Советского Союза, является ценным методическим приемом обучения языку с иным грамматическим строем»³. Методика преподавания иностранных языков должна строиться на подобных сопоставлениях родного и изучаемого языков. Нужно, однако, указать, что метод этих сопоставлений ближе к сопоставлению в области литературы, искусства, нежели к сравнительно-историческим сопоставлениям в языковедении. На основании сопоставления неродственных языков нельзя не только восстановить утраченную одним из языков форму, но нельзя ничего положительного сказать и о происхождении сохранившейся формы.

Сопоставляя отдельные факты румынского и мадьярского романтизма, литературовед, вероятно, многое уяснит себе. Можно высказать предположение, что и сравнение румынского и мадьярского языков не будет бесплодным. Но подобное сравнение коренным образом, принципиально отличается от сравнительно-исторического изучения. Путать эти два приема нельзя. Марристы были ярыми врагами сравнительно-исторического метода, но широко пользовались методом сопоставления различных языков, который, однако, носил у них тоже антинаучный характер (например, так называемые «типологические» сопоставления И. И. Мещанинова).

§ 7. Родственные языки восходят к одному источнику. Именно этим объясняется их близость друг к другу (близость корнеслова и формативов). Однако между языками имеются взаимосвязи иного характера. Известны случаи, когда родственные или неродственные языки, тесно связанные между собой территориально, в результате определенных исторических событий переживали общие процессы, что приводило к созданию новых зональных языковых черт. В качестве примера можем указать на так называемые балканские языки (название условное, так как в эту группу не входят сербо-хорватский, словенский, турецкий и гагаузский языки, но входят румынский и молдавский).

Между этими языками (болгарским, македонским, албанским, аромунским, дако-румынским, молдавским и новогреческим) имеется много общего, что прежде всего объясняется тем, что все они относятся к семье индоевропейских языков. Кроме того, имеется много общих заимствованных слов во всех этих языках (ср., например, болгарское *темѐл*, румынское *temeie*, албанское *themël*, греческое *θεμελίον*). Однако близость балканских языков

¹ «Состояние и задачи советской науки о языке в свете указаний И. В. Сталина». ИАН, ОЛЯ, IX, 2, М.—Л., 1950, стр. 90.

² См., например, статью академика М. М. Покровского «Considérations sur le changement de la signification des mots», ИАН, ООИ, № 4, М.—Л., 1936, стр. 66—97.

³ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 96.

этим не исчерпывается. Во всех этих языках мы встречаем общие зональные черты, которые, что очень важно, не представляют материального единства (об этом подробнее см. в статье А. М. Селищева «Des traits linguistiques communs aux langues balkaniques — *Revue des études slaves*», V, P., 1925, стр. 38—57). В этих языках вместо «я хочу спать» скажут «я хочу да сплю», встречается плеонастическое употребление местоимений (например, скажут: «мне мне нравится»), употребляется постпозитивный член, обнаруживается большое число общих идиоматических выражений и устойчивых фразеологических сочетаний. Реальные формы всех этих конструкций будут различными. Так, в болгарском аналитический инфинитив образуется при помощи *да*, в румынском *să*, в албанском *të*, в новогреческом *и*, но способы образования будут тождественными. «Изучение современных балканских языков — болгарского, албанского, румынского и новогреческого — оказывается невозможным без учета зональных языковых черт, присущих всем балканским языкам в целом»¹.

Сравнительное изучение балканизмов существенно отличается как от сравнительно-исторического изучения родственных языков, так и от указанного нами простого сопоставления неродственных языков. Балканизмы генетически между собой связаны, но сравнительное их изучение не дает возможности восстановить реальную форму, которая явилась источником этих новообразований. Короче, мы лишены возможности определить праформу болгарского *искам да спя* и румынского *vreau să dorm*.

Таким образом, следует строго различать метод простого сопоставления различных языков, сравнительно-исторический метод изучения групп родственных языков и сравнительное изучение отдельных зональных языковых черт. В данном случае мы имеем дело с тремя совершенно различными приемами изучения языков.

§ 8. Не всякое сравнительное изучение родственных языков является сравнительно-историческим. Поясним это на одном примере. В 1902 г. в сборнике в честь академика Ф. Ф. Фортунатова академик А. А. Шахматов напечатал большое исследование «Русское и словенское акание». В этих двух славянских языках наблюдается изменение безударного *о* в *а*, т. е. явление «акания». В результате тщательного и всестороннего изучения данного явления в обоих языках Шахматов пришел к выводу, что «среднерусское и словенское акания имеют разное происхождение»². Никакой генетической связи между этим, на первый взгляд общим, явлением не обнаружилось. Именно поэтому словенский материал ничего не дал для понимания русского «акания». Данное фонетическое явление не было реализацией процессов, заложенных еще в общеславянский период. Оно носит сравнительно поздний и локальный характер. Его должны изучать историки русского и словенского языков, но оно не может стать предметом изучения специалиста по сравнительной грамматике славянских языков. «Акание» известно болгарским родопским говорам помаков. Но и болгарское «акание» стоит особняком. Оно совершенно не связано ни с русским «аканием», ни со словенским.

Если для изучения русского «акания» словенский язык ничего не дал, то, например, для определения звукового значения каморы над буквой *о* в древнерусских памятниках XVI—XVII вв. свидетельство словенского

¹ Б. А. Серебряников. К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языковедении, ИАН, ОЛЯ, IX, 3, М.—Л., 1950, стр. 183.

² «Русское и словенское акание» (сборник статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову, Варшава, 1902, стр. 90).

языка оказалось решающим. Мы имеем в виду замечательное исследование Л. Л. Васильева «О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков» (Л., 1929), в котором автор удачно объяснил значение знака каморы над буквой *о* с помощью русских говоров и словенского языка. Изучение истории ударения, интонаций, количества в любом славянском языке невозможно проводить изолированно, так как все эти явления тесно между собой связаны. Изучение их является одной из центральных проблем сравнительной грамматики славянских языков.

§ 9. С самого начала XIX в. сравнительно-историческое языкознание обособилось от собственно исторического. На какой-то стадии развития нашей науки это было закономерным. Сравнитель занимался только реконструкциями праформ и довольствовался самыми общими сведениями из истории языков. Однако уже давно лингвисты почувствовали недостаточность подобного контакта.

В решении данного вопроса, очень важного для нас в настоящее время, нам следует в первую очередь обратиться к лингвистам «казанской» школы (Бодуэну де Куртене, Богородицкому, Селищеву), которые правильно решали вопрос о сферах применения сравнительно-исторического метода и в связи с этим — вопрос о взаимоотношении сравнительно-исторического и собственно исторического языкознания.

«...По моему убеждению, — писал В. А. Богородицкий еще в 1914 г., — в сравнительной грамматике нельзя ограничиваться только древнейшими представителями данного языкового семейства, взятыми в известный момент своей истории, но необходимо вместе с тем следить за всем ходом их развития до настоящего времени»¹. Это положение представляется нам совершенно справедливым, дающим возможность правильно определить предмет и объем любой сравнительной грамматики. На эту же сторону постоянно указывал А. М. Селищев, сурово критиковавший специалистов по сравнительной грамматике за неумение изучать историю языка.

Однако, подчеркивая связь между сравнительно-историческим и историческим языкознанием, мы не должны уничтожать различий между ними. А именно к этому склоняется в последнее время П. С. Кузнецов. «Задачей сравнительно-исторической фонетики, — пишет он в рецензии на сравнительную грамматику славянских языков А. Вайана, — является восстановление на основании сопоставления звуковых систем родственных языков различных периодов их исторически засвидетельствованного существования звуковой системы общего для данной группы или семьи языковой основы (в какой мере, конечно, эта система может быть восстановлена) и определение тех путей, какими эта система развивалась, преобразовывалась постепенно в различные звуковые системы, которые ныне характеризуют отдельные родственные языки и их диалекты»². Все ли явления исторической фонетики славянских языков подлежат сравнительно-историческому изучению? Конечно, нет. И это мы видели выше на примере «акания». Сравнительная фонетика славянских языков не должна представлять собой механические соединения исторических фонетик отдельных славянских языков. То же касается и морфологии. Утрата именных флексий в болгарском языке, утрата среднего рода в русских говорах, возникновение флексии род. мн. *-а* в сербском языке, утрата инфинитива в болгарском и сербском языках, утрата беспредложного творительного падежа в лужицком языке — все эти факты исследуются историками

¹ В. А. Богородицкий. Сравнительная грамматика арноевропейских языков. 1, Казань, 1914, стр. 6.

² ИАН, ОЛЯ, X, 4, М., 1951, стр. 393 и 394.

соответствующих славянских языков. Им нет места в сравнительной грамматике славянских языков, предметом которой является история общеславянского языка и общеславянские процессы в отдельных языках, даже если направленность этих процессов была различной. Возникновение новых долгот в связи с утратой редуцированных должно найти место в сравнительной грамматике, несмотря на то, что условия их возникновения в разных славянских языках были различными (ср., например, польское *dab*, чешское *dub*).

Без исследований по истории отдельных славянских языков нельзя построить сравнительной грамматики славянских языков. Отсюда нельзя делать вывод, что сравнительную грамматику можно сделать с помощью ножиц и клея.

§ 10. Значение сравнительно-исторического метода в языкознании велико. Было бы, однако, большим заблуждением думать, что этот метод дает возможность решить все задачи, стоящие перед языковедами.

В последнее время много говорили и писали о недостатках сравнительно-исторического метода. В уже цитированной выше статье Б. А. Серебренникова хорошо в общем определены эти недостатки. В связи с этим ставится вопрос об усовершенствовании этого метода (приема). Против этого ничего нельзя возразить. Любой прием научного исследования должен совершенствоваться и совершенствуется по мере развития самой науки. Однако глубоко заблуждаются те лингвисты, которые думают, что, усовершенствовав этот метод, мы ликвидируем его недостатки. В действительности же мы будем лучше их видеть.

Свыше ста лет лингвисты работают в области сравнительно-исторического языкознания, все время совершенствуя свои приемы. По мере совершенствования их все более и более осторожно пользуются сравнительно-историческим методом при реконструкции утраченных форм языка. Шлейхер примитивно пользовался сравнительно-историческим методом, но доверял ему абсолютно. Он не видел недостатков в своем методе.

Во второй половине XIX в. языкознание сделало очень большие успехи. Получил дальнейшее развитие и сравнительно-исторический метод. Он дал теперь возможность лучше определить характер языковых (в частности, звуковых) изменений, впервые показал важность установления соотносительной хронологии. Однако вместе с развитием языкознания и усовершенствованием методов науки лингвисты лучше определили достоинства и недостатки (правильнее — возможности) этого метода. Несмотря на все достижения языкознания (а может быть, именно благодаря этим достижениям), лингвисты второй половины XIX в. стали реконструировать исчезнувшие формы более осторожно, нежели это делал Шлейхер. Вот что мы читаем у Дельбрюка: «Построенный тип праязыка есть не что иное, как формула, служащая для выражения изменяющихся мнений ученых о размерах и свойствах языкового материала, который вынесли для себя отдельные языки из своего общего праязыка»¹. Это сказано ученым, который превосходно для своего времени владел методом реконструкции с помощью сравнительно-исторического метода. Это было вызвано не неверием в метод, а повышенной требовательностью к методу. Еще показательнее пример с Мейе, который, как известно, прямо заявил, что лингвисты не владеют средством восстановления праязыков. «Путем сравнения невозможно, — писал он, — восстановить исчезнувший язык: сравнение романских языков не может дать точного и полного представления о на-

¹ «Введение в изучение языка», СПб., 1904, стр. 57.

родной латыни IV в. хр. э., и нет оснований предполагать, что сравнение индоевропейских языков даст большие результаты. Индоевропейский язык восстановить нельзя»¹.

Мы знаем, что современные романские языки восходят не к общейталийскому языку, выделившемуся из общеиндоевропейского, а к одному из италийских языков (латинскому), ближайшим образом родственному умбрскому, оскскому и сабельскому языкам. Это мы знаем только потому, что до нас дошли тексты на древних италийских языках, и потому, что большинство романских языков хорошо документировано. При отсутствии этого, при помощи только одного сравнительно-исторического метода, решить этот вопрос было бы невозможно. Именно так обстоит дело со многими индоевропейскими языками (например, балтийскими или албанским), древнейшие судьбы которых мы знаем очень плохо. Отсутствие древнейших памятников письменности ничем не может быть компенсировано.

Реконструкции древнейших фактов языка при помощи сравнительно-исторического метода «не равной силы в разных сторонах языка»². Наиболее безупречны те реконструкции, которые, по справедливому замечанию А. И. Смирницкого, опираются на изучение м о р ф е м³. Гораздо труднее, а часто и невозможно реконструировать о т н о ш е н и я между словами. Совершенно не случайно оказались наиболее разработанными в сравнительном языковедении фонетика и морфология. Синтаксис разработан слабо, что объясняется природой сравнительно-исторического метода, а не предвзятой антипатией лингвистов-сравнителей к этому важнейшему разделу науки о языке. Думаем, что восстановить древнейшую структуру славянского (германского, кельтского, иранского и пр.) предложения нельзя.

Пока речь шла об ограниченных возможностях сравнительно-исторического метода. Совсем другое дело — ошибки в пользовании методом, которые встречаются в работах даже крупных лингвистов. До сих пор еще часто встречаются случаи, когда сравнитель игнорирует конкретную историю сравниваемых им фактов языка. Один из последних примеров указан П. С. Кузнецовым в рецензии на сравнительную грамматику славянских языков А. Вайана. Вайан сопоставляет русское и белорусское «акание» со слабо лабиализованным открытым характером общеславянского долгого о. Подобных ошибок в книге Вайана немало, но они свидетельствуют не о недостатках самого сравнительно-исторического метода, а о недостаточном знакомстве французского слависта с конкретной историей отдельных славянских языков. Встречаются подобного рода ошибки и в «Общеславянском языке» А. Мейе и во многих других работах славянских и неславянских ученых. Лишь тот специалист по сравнительной грамматике гарантирован от них, кто хорошо знает историю сравниваемых им языков.

После длительного застоя, вызванного господством антинаучных теорий Марра и его «учеников», у нас вновь возрождается сравнительно-историческое языковедение. Развивая его на основе сталинского учения о языке, мы будем способствовать успешному внедрению марксизма в языковедение

¹ «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков», 1938, стр. 73—74.

² Л. А. Булаховский. О некоторых вопросах и задачах сравнительно-исторического изучения славянских языков. ИАН, ОЛЯ, М., IX, 2, 1950, стр. 103.

³ См. К вопросу о сравнительно-историческом методе в языковедении. «Вопросы языковедения», 1952, № 4, стр. 8—9.

Е. В. Чешко

ПРОБЛЕМЫ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СВЕТЕ СТАЛИНСКОГО УЧЕНИЯ О ЯЗЫКЕ

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания нашли широкий отклик в Болгарии. Обсуждение различных проблем, связанных с этими трудами, приняло массовый характер. Так, только до середины 1951 г. было прочитано более 300 докладов и напечатано около 120 статей, посвященных сталинскому учению о языке. Три конференции по вопросам языкознания, болгарского правописания и литературы были организованы Болгарской академией наук, Министерством просвещения, Союзом болгарских писателей и студентами филологического факультета Софийского университета.

Большую роль в перестройке всей научной работы в Болгарии сыграли две научные сессии, проведенные в декабре 1950 г. в Софийском университете и в Болгарской академии наук. Материалы сессий полностью опубликованы отдельными книгами. Основной доклад проф. Вл. Георгиева «Сталинское учение о языке и проблемы болгарского языкознания» и выступления на научной сессии историко-филологического факультета Софийского университета опубликованы в книге «Проблемите на българското езикознание в светлината на сталинското учение за езика»¹.

В докладах и выступлениях на сессии была подвергнута серьезной и принципиальной критике работа болгарских ученых в области языкознания, исторических и философских наук, а также намечены пути перестройки научной работы и улучшения работы кафедр факультета. Бывшие сторонники Марра выступили с критикой своих прежних позиций и допущенных ими ошибок.

Сессия в Софийском университете явилась как бы подготовкой к научной сессии Академии наук, созванной в связи с 71-й годовщиной со дня рождения И. В. Сталина и посвященной его труду «Марксизм и вопросы языкознания».

Основные доклады были сделаны академиком Т. Павловым («Теоретико-методологическое значение нового труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“») и проф. Вл. Георгиевым («Значение нового труда И. В. Сталина для развития болгарского языкознания»).

Материалы сессий освещают ряд вопросов, глубоко интересующих советскую научную общественность.

«Новое учение о языке» Н. Я. Марра не встретило всеобщего признания в среде болгарских лингвистов. Многие ученые не разделяли этого «учения» и относились к нему отрицательно (академик Ст. Романски, Ст. Младенов,

¹ Държавно издателство «Наука и изкуство», София, 1951.

Ал. Т. Балан, К. Мирчев), некоторые пытались активно с ним бороться (проф. Вл. Георгиев).

Среди известных ученых сторонниками Марра были проф. И. Леков, Л. Андрейчин и Ст. Стойков. Хотя марризм не пустил глубоких корней в болгарской лингвистике, на сессии было отмечено, что «проявления марризма носили достаточно широкий и массовый характер»¹. Это привело к застою болгарское языкознание. Попытки применить марристскую теорию в практической научно-исследовательской работе не удалось. Л. Андрейчин пишет: «Что касается до нашей и, в частности, моей научно-исследовательской работы, которая, впрочем, находилась в это время в состоянии застоя, в ней идеи Марра не могли получить существенного приложения. В сущности одной из основных причин этого застоя были трудности, на которые неминуемо наталкивались все попытки применить к исследованию конкретного материала неправильные положения «нового учения о языке». В действительности наше языкознание попало в методологическую распутицу, так как сравнительно-исторический метод был отвергнут, индуктивно-исторический и теоретико-описательный метод были дискредитированы, а опыты приложения новых методов, как вульгарно-материалистического и семантического метода Марра, были безуспешны»².

Большой вред нанесли антинаучные марристские «теории» изучению истории болгарского языка, так как они приводили к неправильному решению ряда основных вопросов этой области науки, искажающему действительный процесс исторического развития болгарского языка, неверно определяли задачи и направление исследовательской работы и отвлекали внимание исследователей от решения насущных вопросов истории болгарского языка. Это наглядно показал в своем обстоятельном выступлении проф. Мирчев.

Так, неверное решение вопроса о происхождении болгарского языка (он рассматривался марристами как стадияльное изменение языка фракийского), отрицание его генетических связей с другими славянскими языками толкало историков болгарского языка к недооценке вопросов дописьменного периода болгарской языковой истории.

Отрицающая общность происхождения славянских языков, марристы пытались объяснить их поразительную близость в грамматическом строе и лексическом составе скрещиваниями разнородных языков со сходными элементами. Некоторых болгарских языковедов — последователей Марра — отрицание общеславянской основы привело к стремлению отрицать также общebolгарскую основу болгарских диалектов и приписывать современным болгарским диалектным особенностям чуть ли не исконный характер. Отрицали, например, что болгарские диалектные формы *сон* и *сан* восходят к общebolгарскому *сън*, допускали, что болгарский язык не знал носовых гласных на всей своей территории и т. п. «Некоторые доходили до того, что вместе с проф. Державиным утверждали, что аналитичный строй болгарского языка является его исконным свойством»³.

Такое положение было следствием неверного понимания марристами процесса развития языка и роли языковых скрещений в этом процессе, вопросов, представляющих огромное значение для истории болгарского языка, так как, «может быть, никакой другой славянский язык не входил в течение истории в скрещивания с столь многочисленными другими

¹ «Проблемите на българското езикознание», стр. 222.

² Там же, стр. 188—189.

³ Там же, стр. 107.

языками»¹ и не пережил в своей истории столь сильных изменений в грамматическом строе, как болгарский.

Рассматривая особенности современного болгарского языка как его исконные признаки, которые возникли в результате внезапного перехода, стадийного скачка, явившегося следствием скрещения разносистемных языков в глубокой древности, марристы искажали действительную историю болгарского языка и отвлекали внимание языковедов от изучения важнейших периодов и процессов его исторического развития. В действительности вопросы перехода от синтетического строя к аналитическому должны рассматриваться в свете указания И. В. Сталина о том, что «переход языка от старого качества к новому происходит не путём взрыва, не путём уничтожения существующего языка и создания нового, а путём постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путём постепенного отмирания элементов старого качества»². Из этого положения И. В. Сталина следует, что «переход от синтетического строя к аналитическому в болгарском языке также происходил в течение веков, — пишет проф. Мирчев, — точнее сказать, в так называемый среднеболгарский период, с постепенным накоплением элементов нового качества и постепенным отмиранием элементов старого качества языка»³.

Таким образом, изучение языка среднеболгарского периода — одна из центральных задач историков болгарского языка. Наряду с этим встают и другие вопросы.

Непреодолимым препятствием в изучении истории болгарского языка являлись положения марристов о включении языка в круг идеологических надстроек и требование искать общественно-экономические причины для объяснения всех фонетических, морфологических и синтаксических изменений языка. «Вспомним здесь, как год тому назад, — говорил Мирчев, — совет нашего факультета вернул мою программу преподавания истории болгарского языка, так как вопросы, связанные с исторической фонетикой и исторической морфологией языка, как, например, прояснение редуцированных гласных, развитие слоговых *p* и *л*, перегласовка палатального *a* или изменения в спряжении глагола, были изложены формалистично, т. е. без указания на общественно-экономические причины, которые, по мнению марристов, единственно обуславливали указанные изменения»⁴.

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания освободили историческое исследование от этих оков, поставили перед языкознанием как основную задачу — исследование внутренних законов развития языков.

Сформулировав задачи в области изучения истории болгарского языка в свете трудов И. В. Сталина, проф. Мирчев заявил: «Выступление товарища Сталина не только устранило беспутьцу, в которую попало языкознание, но и дало нам изумительное по своей глубине и точности разрешение основных вопросов марксизма в языкознании»⁵.

На сессии было отмечено пагубное влияние марризма на молодежь. Большой вред в деле воспитания научной молодежи принесли такие несовместимые с наукой стороны марризма, как нигилистическое отрицание научного наследия прошлого, склонность к голым теоретическим умствованиям и пренебрежительное отношение к систематическому и углубленному изучению языковых фактов.

¹ «Проблемите на българското езиковедие», стр. 112.

² И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 28.

³ «Проблемите на българското езиковедие», стр. 110.

⁴ Там же, стр. 108.

⁵ Там же, стр. 116.

На сессии был серьезно поставлен вопрос о необходимости овладения марксистско-ленинской теорией. Отсутствие глубокого знания теории марксизма-ленинизма было отмечено как существенный недостаток, в котором коренилась причина многих заблуждений и ошибок.

Научные работники факультета выразили свою искреннюю благодарность гениальному ученому, корифею науки И. В. Сталину за помощь, которую им оказал его новый труд, открывший блестящие перспективы дальнейшему развитию науки.

В итоге работы двух научных сессий была намечена обширная программа будущих исследований в области языкознания. Наиболее полно эти задачи были сформулированы во втором докладе проф. Вл. Георгиева, прочитанном на торжественной научной сессии в Болгарской академии наук, посвященной труду И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». «Труд И. В. Сталина, — сказал Вл. Георгиев, — дает нам правильную ориентировку для дальнейшей разработки языковых проблем. Сталин создал стройное и завершенное учение о языке и наметил гениальную программу дальнейшего развития науки о языке»¹. Опираясь на сталинское учение, болгарские языковеды определили круг главных вопросов, стоящих в настоящее время перед болгарским языкознанием. Сессия отметила, что важнейшей предпосылкой успешного разрешения конкретных вопросов науки является внедрение марксизма в языкознание, решительное преодоление вульгарно-материалистических ошибок марровской теории и решительная борьба с идеализмом, шовинизмом и расизмом в языкознании.

Основной конкретной задачей было признано изучение истории болгарского языка в связи с историей болгарского народа. «В современных условиях, — пишет проф. Георгиев, — отстоять историзм в языкознании — это значит отстоять языкознание как науку о языке в его развитии. Наше языкознание должно отстоять историзм в языкознании, опираясь на марксистскую философию, на гениальные сталинские работы о языке и языкознании»².

В противоположность буржуазно-идеалистическому языкознанию, принципиально разграничивающему синхроническое и диахроническое изучение языка, проф. Георгиев выдвигает принцип изучения языка в единстве исторического процесса. Современный язык должен изучаться как определенный этап в общей истории языка. Все остальные проблемы также должны быть подчинены задаче изучения истории болгарского языка в связи с историей болгарского народа.

Проф. Георгиев справедливо указывает, что создание марксистской истории болгарского языка потребует большой подготовительной работы, прежде всего создания марксистской истории болгарского народа, над которой работает в настоящее время Институт истории Болгарской академии наук.

Создание истории болгарского языка потребует также предварительной разработки наиболее общих проблем, которые проф. Георгиев формулирует следующим образом:

«1. Периодизация истории болгарского языка.

2. Отделение болгарского языка от общеславянского языка и обособление его в качестве самостоятельного языка; родство болгарского языка с другими славянскими языками; его основной словарный фонд и грамматический строй.

¹ «Торжествена научна сесия», стр. 44.

² «Проблемите на българското езикознание», стр. 39.

3. Становление староболгарского литературного языка; его словарный состав; влияние балканского субстрата; взаимоотношения между славяно-болгарским и первоболгарским; воздействие греческого языка.

4. Развитие языка в феодальную эпоху; переход от синтетического строя к аналитическому; появление членной формы; исчезновение инфинитива; появление так называемых пересказных форм; влияние турецкого языка и дальнейшее воздействие языка греческого.

5. Появление, развитие и основные особенности наших диалектов; язык нашего народного творчества.

6. Возникновение нашего национального языка в связи с развитием болгарского народа в нацию в период установления буржуазно-капиталистических отношений до и после освобождения; роль Каравелова и Ботева, П. Р. Славейкова и Вазова в создании нашего литературного языка.

7. Огромное благотворное воздействие русского языка при создании новоболгарского литературного языка; быстрое уменьшение употребления турцизмов; болгарский язык среди других балканских языков.

8. Окончательное оформление современного литературного языка; грамматический строй, основной словарный фонд и словарный состав; заслуги наших писателей и языковедов после освобождения; вклад нашей прогрессивной и партийной печати в обогащение болгарского языка.

9. Изменение в словарном составе нашего языка в эпоху строительства социализма и новое воздействие русского языка после 9 сентября 1944 г.

10. Перспективы будущего развития болгарского языка»¹.

Характеризуя труды болгарских ученых по истории болгарского языка, проф. Георгиев отмечает, что содержание этих книг не соответствует их названиям: «Историята на българския език» проф. Цонева является по существу сборником сырых материалов, изложенных бессистемно и некритично, с большими пробелами, неточностями и даже грубыми ошибками. В книге развитие языка совсем не представлено как исторический процесс, не говоря уже об отсутствии правильного методологического подхода к работе. Книга академика Ст. Младенова, опубликованная на немецком языке, является, несомненно, наиболее значительным трудом нашего известного языковеда. Но ее неправильно называть «Историей болгарского языка». Она представляет собой лишь историческую грамматику нашего языка. Между исторической грамматикой, которая лишь регистрирует изменения в фонетике, морфологии и синтаксисе данного языка, и историей языка, которая представляет развитие языка в тесной связи с историей народа, говорящего на нем, тем более историей языка, изложенной в свете единственно научного марксистского метода, имеется огромное различие»².

Докладчик и выступавшие сделали ряд замечаний, касающихся принципиальных вопросов будущего исследования, вытекающих из отдельных положений сталинского учения о языке. На некоторых из них мы остановимся.

Особенно подчеркивалась важность изучения внутренних законов развития языка. «Выяснение внутренних законов развития болгарского языка является, следовательно, основной задачей нашего языкознания, — говорит проф. Георгиев. — Это значит, что следует не только констатировать изменения, которые совершились в нашем языке в течение веков, но и искать причины этих изменений, это значит составить такую истори-

¹ «Тържествена научна сесія», стр. 50—51.

² Там же, стр. 50.

ческую грамматику, которая бы не удовлетворялась одним описанием фактов, но пыталась бы их объяснить»¹.

Говоря об указании И. В. Сталина на необходимость изучения истории языка в тесной связи с историей народа, проф. Мирчев справедливо отметил, что одним из серьезных недостатков как старого, так и нового поколения работников в области истории болгарского языка было стремление изучать явления болгарского языка в отрыве от других балканских языков, в то время как «важнейшие структурные изменения в жизни болгарского языка — аналитизм, членная форма, замена функций дательного и родительного падежа в среднеболгарском, судьба инфинитивной формы, образование форм будущего времени — могут получить свое правильное объяснение только при учете типичных исторических связей, которые создаются между болгарским народом и остальными балканскими народами и, следовательно, между болгарским языком и остальными балканскими языками»².

Первостепенную важность имеет изучение памятников болгарской письменности. История болгарского языка может быть написана, как правильно отметил академик Романский, только на основе вновь собранного материала еще не изученных памятников и изучения болгарских говоров, также являющихся очень важным источником. Очень плохо изучены среднеболгарские памятники. «Этот пробел в историческом изучении болгарского языка, — отмечает Мирчев, — еще долгое время будет давать повод для различных блужданий в связи с важнейшими проблемами развития болгарского языка»³.

Нам кажется не вполне правильной позиция проф. Мирчева в оценке языковых данных среднеболгарских памятников. Опираясь на положение И. В. Сталина о неклассовости языка, проф. Мирчев говорит: «Ошибочным является мнение, что язык старых болгарских памятников, которые служат важнейшим источником для истории болгарского языка, не является отражением общего болгарского языка, а лишь отражением языка феодального класса, светского или церковного, который всем своим грамматическим строем отличается от языка остальных классов»⁴. Это, безусловно, правильно в отношении языка кирилло-мефодиевской эпохи, когда создавался письменный язык. Однако в отношении более поздних, в частности среднеболгарских, памятников требуется более осторожный подход. Здесь вопрос о языковом стиле памятника приобретает первостепенное значение при оценке того, насколько верно отражает данный памятник живой, народный язык. Если бы о языке московской Руси мы могли судить только на основании памятников церковно-книжного стиля и считали бы эти памятники адекватным отражением народного языка той эпохи, представление это было бы весьма превратным. Точно так же и дошедшие до нас среднеболгарские памятники церковно-книжного стиля вряд ли правильно отражают состояние «общего болгарского языка» того времени. Наличие в языке этих памятников отдельных черт аналитического строя и других особенностей новоболгарского языка, безусловно, свидетельствует, что данные черты существовали уже в живом языке. Однако было бы ошибочно думать, что язык этих памятников представляет адекватное отражение степени и глубины перемен, совершившихся в народном языке со времени создания письменности.

¹ Там же, стр. 51.

² «Проблемите на българското езиковедение», стр. 109.

³ Там же, стр. 114.

⁴ Там же, стр. 113.

Важной и своевременной является формулировка задачи составления болгарского лингвистического атласа как обязательного условия, без которого не может быть осуществлена задача создания истории болгарского языка. В Институте болгарского языка создана специальная секция болгарской диалектологии и лингвистического атласа, которой вменено в обязанность в ближайшее время начать работу над составлением лингвистического атласа Болгарии.

«Особенно важной задачей нашей диалектологии, — отмечает Вл. Георгиев, — является установление путей образования нашего национального языка»¹.

Разработка диалектологии чрезвычайно важна и для правильной постановки изучения грамматики современного болгарского языка.

«Центр тяжести при изучении истории нашего языка, — отмечает проф. Георгиев, — должен падать естественно на современный болгарский литературный язык, который оформился в течение прошлого века как наш национальный язык»². В связи с этим на Институт болгарского языка сейчас уже практически возложена задача создания «Истории болгарского литературного языка от П. Бирона до наших дней».

Другая область, в которой институт уже ведет большую практическую работу, — это подготовка этимологического и исторического словаря болгарского языка, словаря болгарского литературного языка, а также ряда специальных словарей. В процессе словарной работы должны быть раскрыты вопросы происхождения и истории основного словарного фонда и словарного состава языка. «Исследование словарного состава, — говорит Вл. Георгиев, — может подсказать нам важные выводы для самой истории нашего народа, особенно для освещения вопросов его этногенеза»³.

В своем докладе Вл. Георгиев отметил важность изучения старославянского языка, подготовку его описательной и сравнительно-исторической грамматики и словаря.

На сессии была поставлена также задача составления подробной грамматики современного болгарского языка, имеющей не только важное теоретическое, но и практическое значение. «Исследование и установление грамматических норм в духе тенденций языкового развития, — говорит Вл. Георгиев, — особенно важная задача языкознания»⁴.

В докладе проф. Вл. Георгиева была отмечена важность выработки норм правописания и произношения, необходимость развития стилистики, борьбы за чистоту языка, изучения языка художественной литературы.

Проф. Вл. Георгиев указал также ряд общих проблем, без решения которых невозможна правильная оценка и уяснение частных вопросов языковой науки.

Большое место в докладе Вл. Георгиева на сессии в университете занял вопрос о сравнительно-историческом методе и «праязыке». Вл. Георгиев решительно выступал в защиту сравнительно-исторического метода еще в пору господства марровских теорий. Вопрос о роли сравнительно-исторического метода в языкознании, его достоинствах и недостатках, а также тесно связанный с ним вопрос о «праязыке» явился предметом острой дискуссии между проф. Вл. Георгиевым и академиком Т. Павловым, выступившим на сессии, а еще ранее в печати с критикой Вл. Георгиева. Т. Павлов считает, что проф. Вл. Георгиев неправильно понимает значение сравнительно-исторического метода, преувеличивая его роль

¹ «Гържествена научна сесия», стр. 59.

² Там же, стр. 52.

³ Там же, стр. 54.

⁴ Там же, стр. 55.

как единственного метода в языкознании. Упреки Т. Павлова действительно имеют известные основания. В докладе Вл. Георгиева были прекрасно показаны положительные стороны сравнительно-исторического метода. Он справедливо отметил, что применение этого метода сделало языкознание точной наукой, дало ему возможность предвидения, без которого ни одна наука не может считаться истинной наукой, что сравнительно-историческое изучение языка дает возможность проследить историю языка много дальше его древнейших памятников. Доклад был иллюстрирован примерами и ссылками на высказывания классиков марксизма-ленинизма. Лишь в конце выступления, отметив, что И. В. Сталин указал на серьезные недостатки этого метода, докладчик выразил свое согласие с этим, признав необходимость серьезной работы над усовершенствованием сравнительно-исторического метода. Однако вопрос о том, в чем состоят недостатки сравнительно-исторического метода и в каком направлении должно идти его усовершенствование, в докладе освещен не был.

Внимание докладчика было направлено исключительно на вопрос о том положительном наследстве, которое нам оставило сравнительно-историческое языкознание прошлого, на уточнение его основных положений в свете сталинского учения о языке. Между тем реабилитация известных научных положений старого языкознания, хотя бы и с серьезными поправками и уточнениями, еще не является достаточной предпосылкой, обеспечивающей верное направление научно-исследовательской работы в этой области. Для этого необходим детальный анализ недостатков сравнительно-исторического метода, ясное сознание его ограниченности и определение круга проблем, стоящих перед сравнительно-историческим языкознанием в свете сталинского учения о языке. Эти вопросы в докладе затронуты не были. Они ждут еще своего освещения.

На сессии в университете оживленная дискуссия развернулась по некоторым общетеоретическим вопросам языкознания (например, вопросы о соотношении языка и мышления, о характере закономерностей развития языка) и по отдельным специальным вопросам (например, вопрос о периодизации истории болгарского языка).

В целом работа сессии прошла в духе серьезной и принципиальной критики и самокритики, были детально изучены и обсуждены труды И. В. Сталина по вопросам языкознания и разработана конкретная программа перестройки научной и преподавательской работы по языкознанию и другим кафедрам историко-филологического факультета.

Проведенные сессии оцениваются болгарскими учеными как начало нового этапа в истории болгарского языкознания: «Так мы, болгарские языковеды, — сказал проф. Вл. Георгиев, — заключили один из этапов развития науки о языке и, сознавая допущенные ошибки, заложили основы сталинского языкознания в нашей науке»¹.

¹ «Тържествена научна сесия», стр. 47—48.

Г. Ш и л и н а

РАБОТЫ И. В. СТАЛИНА О ЯЗЫКЕ И ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В последние годы перед появлением работ И. В. Сталина о языке чехословацкое языкознание находилось в состоянии известного застоя. Ведущим направлением в лингвистической науке был, начиная с 30-х годов, так называемый «пражский структурализм» — идеалистическая эклектическая школа, которая тормозила развитие науки, уводила ее в сторону от правильного разрешения языковых проблем. Положение, естественно, не могло улучшиться и после 1945 г., когда ряд передовых чехословацких ученых сделал попытку обратиться к марровскому «новому учению о языке», ошибочно принимая его за подлинно марксистскую теорию. Хотя марризм не успел проникнуть в чехословацкое языкознание глубоко, он все же оказал определенное вредное влияние. Это сказалось прежде всего в том, что было ослаблено внимание к изучению грамматического строя языка, недостаточно проводилась работа по воспитанию кадров в области богемистики и т. д.

Только гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию указали ясный путь к преодолению застоя и построению основ марксистского языкознания в Чехословакии.

Сразу же после появления в печати работы И. В. Сталина стали предметом широкого обсуждения чехословацкой общественности.

29 июня 1950 г. состоялась дискуссия на философском факультете Карлова университета в Праге, посвященная значению труда И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании» для различных отраслей науки.

Ряд языковедов, выступавших на этой дискуссии (проф. Ф. Травничек, проф. В. Гавранек, проф. В. Скаличка и др.), обсуждали отдельные вопросы языка, освещенные И. В. Сталиным: отношение языка и мышления, языка и надстройки, роль грамматики и т. д. В ходе дискуссии была также высказана мысль о том, что назрела необходимость критически пересмотреть теоретические основы лингвистического структурализма, который во многих методологических положениях сходится с марровским «новым учением о языке».

О глубоком интересе чехословацкой общественности к трудам И. В. Сталина по языкознанию свидетельствует большое число посвященных им статей, которые постоянно появляются в чехословацкой печати. Назовем некоторые из них, которые были опубликованы вскоре после выхода в свет работ И. В. Сталина: «Труд товарища Сталина и чешское языкознание», «Обучение чешскому языку на новых путях», «Выступление товарища Сталина по вопросам языкознания и язык литературы» (проф. Гавранек), «Работы товарища Сталина и наша языковедческая

традиция» (проф. Скаличка), «Статьи товарища Сталина и чешская языковая культура», «Язык — орудие писателя» (проф. Травничек), «О положении в словацком языкознании» (проф. Исаченко), «Слова Сталина и наше языкознание» (Ш. Пециар) и многие другие.

В Чехословакии переведены на чешский и словацкий языки и изданы отдельными сборниками материалы советской языковедческой дискуссии в «Правде». В сборнике этих материалов на словацком языке, который вышел вскоре после опубликования работ И. В. Сталина, помещена также статья Ю. Шефранека «Значение сталинских работ по языкознанию». Говоря об огромной важности трудов И. В. Сталина для словацкого языкознания, автор отмечает, что последнее еще не избавилось от буржуазных идеалистических влияний. Эти влияния проявлялись прежде всего в существовании двух лингвистических теорий, которые на первый взгляд были диаметрально противоположны, а в действительности обе «служили политическим и экономическим стремлениям буржуазии». Это в первую очередь п у р и з м, направленный на то, чтобы как можно более отдалить словацкий язык от чешского. Эта теория возникла как выражение националистического сепаратизма словацкой буржуазии, которая стремилась избавиться от конкуренции чешской буржуазии. Пуризм в языкознании приводил к обеднению словацкого языка. Автор приводит пример, как языковеды-пуристы искусственно ввели в словацкий литературный язык слово «*našim*» (надо, нужно), встречающееся в некоторых словацких наречиях, с намерением вытеснить из литературного языка слово «*treba*», так как оно близко чешскому слову. «Тем, что это слово, — пишет автор, — является частью основного словарного фонда словацкого языка, так же, как «*otec*», «*matka*», «*strom*» и «*dom*», такое языкознание не интересовалось».

Другое направление словацкого буржуазного языкознания было отражением в языкознании теории единой чехословацкой нации. Это направление стремилось, напротив, как можно больше приспособить словацкий язык к чешскому без учета внутренних законов развития словацкого языка. Подобные взгляды сложились под влиянием захватнической политики чешского финансового капитала.

Поражение буржуазии, установление народно-демократического строя в Чехословакии ликвидировали социальные условия для существования обоих этих направлений буржуазного языкознания. Необходимо, продолжает Ю. Шефранек, «чтобы словацкие языковеды полностью рассчитались в своей области науки с идеологическими остатками капиталистического прошлого». Автор призывает словацких языковедов к глубокому овладению теорией марксизма-ленинизма, чтобы с ее позиций, исходя из гениальных сталинских работ по языкознанию, разрешить проблемы истории словацкого языка, разработки новой терминологии, обучения родному языку в школах, изучения вопросов литературного языка и т. д.

Появление сталинских работ по языкознанию совпало в Чехословакии с периодом реорганизации высшей школы. При факультетах университетов были созданы научные кафедры, для которых труды И. В. Сталина послужили стимулом развития творческой научной и идеологической работы. Языковедческие кафедры всех университетов страны провели дискуссии, посвященные сталинским работам. Во всех этих дискуссиях подчеркивалась необходимость критической переоценки достигнутых до сих пор результатов в области языковедческой науки, поскольку исследования проводились на основе структуралистической или младограмматической методологии.

Основной упор в дискуссиях был сделан на определение задач, необходимость и возможность решения которых вытекает из гениальных сталинских работ.

Проф. Гавранек в дискуссии кафедры чешского языка и общего языкознания Карлова университета обратил внимание на вопросы изучения истории общенародного и литературного чешского языка, отношения изменчивых и устойчивых элементов в языке, этногенеза чешского и словацкого народов и т. д.

На заседании кафедры славистики Брненского университета проф. Келлнер говорил о необходимости обратить сугубое внимание на изучение родного языка в связи с историей. Особенно интересно было бы проследить эту связь истории народа с историей языка в период бурного языкового развития, т. е. в XII—XVI вв. Насущной задачей чехословацкого языкознания в настоящее время является также разработка общественно-политической терминологии, которая находится в состоянии непрерывного обогащения.

На дискуссии, которая состоялась в Оломоуцком университете им. Палацкого, большое внимание было уделено вопросу сравнительного изучения языков. Сталинские работы о языке, отмечал проф. Горалек, являются надежной основой для решения таких проблем, перед которыми была бессильна буржуазная наука. Уже сейчас, опираясь на высказывания И. В. Сталина, можно решать отдельные частные вопросы, касающиеся происхождения индоевропейских языков. Например, уже совершенно ясно, что отдельные индоевропейские языки не возникали независимо друг от друга в различных местах, здесь, повидимому, имела место историческая и географическая общность. Нельзя проводить аналогию между возникновением индоевропейских языков и возникновением языков романских, история которых тесно связана с конкретными историческими условиями рабовладельческого общества. Очевидно, что первоначальные индоевропейские поселения занимали небольшую территорию, так что в развитии индоевропейских языков в общем преобладала дивергенция.

Дискуссии, посвященные сталинским трудам по языкознанию, явились большим событием в научной жизни Чехословакии. Их характеризовали многообразие и важность выдвигаемых вопросов, активное участие ученых как старшего, так и младшего поколения, большой интерес к этим дискуссиям со стороны широкой общественности.

Однако дискуссии не были лишены недостатков: выступления часто носили декларативный характер, не были еще достаточно развернуты критика и самокритика, направленные на освобождение от неправильных, немарксистских методов и взглядов, которые были распространены до сих пор в чехословацком языкознании. Некоторые ученые еще не осознали, что отказ от марровского «нового учения о языке» отнюдь не означает возврата к старому буржуазному языкознанию. Например, в выступлении д-ра Эргарта на одном из заседаний кафедры сравнительного языкознания, фонетики и классической филологии Брненского университета прозвучал призыв опираться на результаты так называемой младограмматической школы. Недостатки старой лингвистики, по мнению д-ра Эргарта, часто заключаются не столько в ошибочных концепциях, сколько в ограниченности историко-сравнительного метода. Отвечая на это выступление, д-р Бауэр правильно указал на серьезные недостатки младограмматической школы, однако предпринял ошибочную попытку защитить так называемый синхронический метод, которым широко пользовались структуралисты.

Первым значительным шагом в конкретном осуществлении поставленных задач явилась открытая дискуссия о структурализме в языкознании. Начало этой дискуссии было положено выступлениями аспиранта П. Сгалла на заседании кафедры богемистики Карлова университета и проф. Ф. Травничка на заседании кафедр славистики Брненского университета. В настоящее время дискуссия перенесена на страницы культурно-политического журнала «Творба»¹. В связи с этой дискуссией опубликована также брошюра проф. Ф. Травничка «Чешский лингвистический структурализм в свете сталинского учения о языке».

Работы аспиранта Сгалла, проф. Травничка, проф. Белича и проф. Скалички посвящены характеристике структурализма и условий его возникновения.

Структурализм представляет собой разновидность идеализма, т. е. буржуазной идеологии. Не случайно одним из ведущих членов структуралистического объединения «Пражский лингвистический кружок» был безродный космополит и ярый враг Советского Союза эмигрант Роман Якобсон, который теперь открыто перешел в лагерь американского империализма. Это обстоятельство, отмечает автор одной из упомянутых статей проф. Белич, означает, что критика структурализма и открытая дискуссия о нем чрезвычайно необходимы. Нужно решительно покончить со всеми остатками структуралистической методологии, хотя сделать это зачастую очень трудно, так как структурализм не оставил какого-нибудь свода теоретических положений, где ясно могли бы проявиться все его недостатки. Поскольку большинство сторонников этого направления работало эклектически, без единой и твердой теоретической основы, ошибочные структуралистические положения и выводы оказались разбросанными в различных работах по конкретным вопросам. Тем более важно требование критического пересмотра всех работ, вышедших из-под пера бывших сторонников структуралистического направления.

Огромную роль при вскрытии недостатков структурализма играют труды И. В. Сталина, блестяще показавшего полную несостоятельность марровской школы. Марровское «новое учение о языке» и структуралистическая школа имеют много общих черт, которые могут быть прослежены уже с самого периода возникновения обоих направлений. Структурализм получил такое распространение в чехословацкой науке потому, что на фоне недостатков младограмматической школы, односторонне исследовавшей отдельные, изолированные друг от друга фонетические изменения, структурализм казался прогрессом. В противоположность взглядам младограмматической школы члены «Пражского лингвистического кружка» выдвинули структуральный принцип, т. е. провозгласили, что «язык — это система противоположностей, которые обусловлены взаимозависимостью». Конечно, понятие структуры, системы языка у структуралистов не имеет ничего общего с тем, что называет структурой языка И. В. Сталин: «Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох»². Структурализм, обращая внимание только на взаимные связи языковых явлений, не рассматривал связи между историей языка и историей общества. Фактически не признавал он и диалектического единства между языком и мышлением.

Участники дискуссии подчеркивают правильность критики структурализма со стороны советского ученого проф. Чикобава, который указывал,

¹ «Tvorba», № 28, 37, 40, 41, 42, 47.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 26.

что для структурализма характерен отход от изучения развития языка, отказ от исторической точки зрения на это развитие.

Профессор Скаличка в своей дискуссионной статье, рассматривая деятельность отдельных членов «Пражского лингвистического кружка», утверждает, что хотя структурализм принадлежит прошлому, нельзя просто отбросить все, что было написано в этот период. Эти произведения состоят не из одних ошибок; часто под влиянием языкового материала исследователи отступали от структуралистических положений и приходили к правильным выводам.

В дискуссии о структурализме принимают участие не только языковеды. Так, на страницах «Творбы» выступил со статьей «К критике структурализма в нашей литературной науке» ректор Карлова университета проф. Мукаржовский.

Кроме перечисленных работ общего характера, в связи с дискуссией о структурализме была опубликована статья проф. Ф. Травничка «Структуралистическая языковая типология», которая посвящена критике недавно вышедшей книги проф. Скалички «Тип чешского языка». Проф. Травничек видит принципиальную ошибку автора в том, что он сравнивает грамматическую структуру чешского языка со структурами неродственных языков. «Для познания структуры чешского языка, — пишет проф. Травничек, — знание структур языков других систем имеет лишь вспомогательное, иллюстративное значение». Чешскую грамматическую структуру можно объективно установить только из самого чешского языка, потому что каждый язык как орудие мышления и общения определенного общества развивается в совершенно конкретных исторических условиях, в которых развивается само общество.

Все участники дискуссии выражают твердую уверенность в том, что чехословацкие ученые, вооруженные сталинскими идеями о языке, сумеют преодолеть ошибки прошлого и вывести чехословацкое языкознание на правильный, марксистский путь. Проф. Белич кончает свою статью конкретным обязательством закончить в текущем году исследование, касающееся вопросов общенародного чешского языка, и разработать с позиций сталинского языкознания основную проблематику отношений между чешским и словацким языками.

23—24 ноября 1951 г., в ознаменование месячника чехословацко-советской дружбы, в Брно состоялась общегосударственная научная конференция, посвященная вопросам сравнительного изучения славянских языков в свете работ И. В. Сталина по языкознанию. На конференции обсуждалось несколько докладов. В докладе о развитии славянских языков проф. Гавранек отмечал, что сравнительное изучение грамматического строя славянских языков в прошлом слабо развивалось из-за того, что основное внимание уделялось вопросам фонетики. Однако грамматическая сторона, с ее огромной устойчивостью, имеет важное значение при сравнительном изучении. Говоря о том, что история языков должна изучаться в неразрывной связи с историей общества, докладчик подчеркивал, что эту связь не должны забывать и при исследовании древнейших периодов истории языка, например при изучении старославянского языка.

На конференции были заслушаны также доклады проф. Скалички о вопросах сравнительного славянского языкознания в рамках индоевристики; проф. Курца об отношении древнесловацкого языка к старославянскому; проф. Травничка о чешско-словацких языковых отношениях; проф. Келлнера о смежных языках; проф. Горалека о значении сравнительного изучения славянских языков. После докладов развернулась оживленная дискуссия. Конференция закончилась принятием резолюции, в которой

говорится: «Конференция показала, что мы переходим от декларативного периода к конкретной работе, в которой примет деятельное участие также ряд молодых научных работников». Конференция наметила ряд конкретных проблем, работа над которыми распределена между отдельными университетами и кафедрами. Среди этих задач — разработка принципов сравнительного изучения славянских языков, составление этимологического словаря славянских языков, вопросы возникновения и расширения славянских языков и наречий, сравнительное изучение грамматического строя славянских языков и т. д.

Работы И. В. Сталина по вопросам языкознания пробудили живой интерес и внимание к практическим вопросам языка. Выдвигаются на первый план вопросы чистоты и нормы литературного языка (см. статьи К. Гаузенбласа «О культуре языка и языковом пуризме» в журнале «*Naše sřeč*» № 3—4, 1951; М. Докулила «Норма чешского литературного языка в свете сталинских работ» — будет опубликована в ближайших номерах журнала «*Slovo a slovesnost*»).

Чехословацко-советским институтом была организована интересная дискуссия по вопросам методики преподавания русского языка на Народных курсах русского языка.

Необычайно выросли интерес и требования чехословацкой общественности к языку художественной литературы и языку переводов. Перед начинающими писателями по вопросам языка выступили проф. Травничек и проф. Гавранек. В скором времени выйдет в свет книга проф. Гавранека «Труды товарища Сталина по языкознанию и язык литературы и переводов».

Стремясь построить науку на базе марксизма-ленинизма, чехословацкие языковеды обращают свои взоры к советской науке. Внимательно изучаются все лингвистические работы, появляющиеся в советской печати. Пропаганду советской науки осуществляет главным образом Чехословацко-советский институт, специально созданный для этой цели в 1950 г., в период выхода в свет работ И. В. Сталина по языкознанию. Языковедческое отделение Чехословацко-советского института раз в два месяца издает сборник «Советское языкознание», где публикуются работы советских ученых. В этом сборнике печатаются также информационные сообщения о происходящих в Советском Союзе лингвистических дискуссиях, конференциях и т. д., рецензии на работы советских авторов, библиография советских научных работ по вопросам языкознания. Благодаря этому чехословацкие языковеды имеют возможность постоянно следить за жизнью советской науки. Кроме организации лекций, конференций и т. п., пропагандирующих советскую науку и труды И. В. Сталина, Чехословацко-советский институт развертывает большую работу по переводу и изданию советской научной литературы. В ближайшее время в переводе на чешский язык выходят сборник «Вопросы языкознания в свете работ И. В. Сталина» и сборник переводов «О языке художественного произведения».

Опираясь на гениальные труды И. В. Сталина и на достижения советской науки, чехословацкие ученые создают новое, марксистское языкознание.

Ю. С. Маслов

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ НОРМАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ, ОРФОЭЗИИ И ОРФОГРАФИИ БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания не только являются развернутой программой теоретических исследований для всех советских языковедов и передовых языковедов других стран, но и оказывают громадное преобразующее воздействие на практику, имеют основополагающее значение при решении любого практического вопроса в любой области языка. Сталинское учение об общенародном характере языка, о подчиненном характере диалектов и их постепенном перемалывании в едином языке; сталинское учение о том, что развитие языка, в отличие от развития надстройки, происходит не путем взрыва, а путем «постепенного и длительного накопления элементов нового качества»¹, путем «развёртывания и совершенствования основных элементов существующего языка»²; сталинское учение о внутренних законах развития языка, о соотношении между словарным составом и грамматическим строем, между словарным составом и его основным словарным фондом, о темпах и характере развития отдельных сторон языка, равно как и все другие, не упомянутые здесь положения исторических трудов И. В. Сталина по языкознанию, составляют незыблемую теоретическую основу для разрешения, в частности, всех практических вопросов языковой нормализации. А вопросы эти, вопросы грамматической, орфоэпической и орфографической нормализации национального литературного языка, сейчас чрезвычайно актуальны для многих языков как в пределах СССР, так и в странах народной демократии, в частности, в Болгарии.

Как известно, еще в феврале 1945 г. правительство Отечественного фронта провело крупную и в целом очень удачную реформу болгарской графики и орфографии, во многих отношениях аналогичную коренной демократической реформе русской графики и орфографии, проведенной советской властью в 1918 г. Однако, как увидим ниже, реформа 1945 г. все же не дала вполне удовлетворительного разрешения некоторых назревших вопросов. Поэтому совершенно закономерно, что после выхода в свет исторических сталинских трудов по языкознанию в Болгарии было начато широкое обсуждение некоторых вопросов орфографической, а вместе с тем орфоэпической и грамматической нормализации литературного языка.

Цель настоящей статьи — во-первых, кратко информировать читателя о самом ходе этого обсуждения (оно еще не закончено) и, во-вторых, по-

¹ И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 27.

² Там же.

пытаться критически разобрать важнейшие спорные вопросы, всплывшие в процессе дискуссии, по возможности связав их с некоторыми фактами из истории болгарского литературного языка и задачами его развития на ближайший период.

* * *

20 июня 1951 г., в день первой годовщины опубликования в «Правде» основополагающего сталинского труда «Относительно марксизма в языкознании», в Софии открылась конференция, специально посвященная вопросам болгарского правописания, организованная совместно Болгарской академией наук, Министерством народного просвещения, Комитетом по делам науки, искусства и культуры и Союзом болгарских писателей.

Конференция открылась вступительным словом президента Академии наук академика Т. Павлова и докладом проф. Л. Андрейчина, сообщившего об итогах подготовительной работы, проведенной в Институте болгарского языка, и о предложениях, вносимых институтом на рассмотрение конференции. В прениях, продолжавшихся три дня, выступило 54 человека, в том числе языковеды, писатели, общественные деятели Болгарии, педагоги средней школы, издательские и типографские работники и др. Материалы конференции были широко опубликованы болгарской печатью. В последующие месяцы в газете «Литературен фронт» появился ряд дополнительных материалов, главным образом писем читателей, посвященных рассмотрению вопросов, поднятых на конференции.

Как уже упомянуто, в ходе этой дискуссии были подвергнуты обсуждению вовсе не одни только орфографические вопросы, но и некоторые важнейшие вопросы орфоэпии и грамматической нормализации болгарского литературного языка, а частично также и вопросы лексической нормы (вопрос о заимствованных словах, об употреблении некоторых новых слов и выражений и т. д.). И это вполне понятно и закономерно. Как известно, болгарский литературный язык — один из молодых литературных языков. В связи с тяжелыми условиями, в которых в период турецкого ига протекало формирование болгарской нации, оформление единой литературной нормы болгарского национального языка стало возможным лишь очень поздно. В основных чертах эта норма сложилась лишь на протяжении XIX в. (1820 — 1870-е годы), причем ряд вопросов остался неуточненным.

Часть из этих вопросов была решена затем путем искусственного декретирования и не всегда удовлетворительно (например, вопрос об употреблении так называемой «полной» и «краткой» формы члена мужского рода единственного числа), а часть не получила вовсе никакого общепризнанного разрешения вплоть до настоящего момента (например, некоторые довольно существенные орфоэпические вопросы). Естественно, что на практике все эти вопросы тесно связаны и с вопросами орфографической нормализации, и потому при обсуждении любых проектов орфографической реформы в Болгарии дело никогда не ограничивалось рамками одной только орфографии, но всегда перерастало эти рамки.

Однако нынешняя дискуссия коренным образом отличается от всех прежних дискуссий, посвященных аналогичной теме.

Своеобразие нынешней дискуссии состоит, во-первых, в ее широком демократизме. Во всех прошлых дискуссиях по вопросам грамматических и орфографических норм участвовал гораздо более ограниченный и замкнутый круг лиц.

В противоположность этому в нынешнем свободном обсуждении принял участие весьма широкий круг работников самых различных специальностей и профессий. На конференции, где выступали академики, профессора и писатели, выступил, например, и рядовой корректор М. Миховска. Конференция и последующая дискуссия в печати показали громадный интерес к вопросам нормы литературного языка в широчайших массах народа, пробудившегося в современной народно-демократической Болгарии к сознательной жизни. Глубоко прав академик Т. Павлов, заявивший в своем заключительном слове, что «эта конференция есть нечто небывалое в истории болгарской лингвистической науки, есть плод новой, социалистической действительности»¹.

Второе, и притом важнейшее, отличие нынешней дискуссии от всех прежних состоит в гораздо более высоком теоретическом уровне, на котором она велась. Не случайно начало дискуссии было приурочено к годовщине исторического выступления И. В. Сталина. И в докладе и в большей части выступлений было видно серьезное стремление разрешить практические вопросы нормализации болгарского литературного языка, исходя из основополагающих сталинских указаний. «Сталинское учение о языке, — подчеркнул в своем докладе проф. Андрейчин, — является ясной и прочной теоретической основой для правильного решения существующих орфографических вопросов и для окончательного изжития разногласий и недоразумений в этой области»². Болгарская общественность оценила конференцию «как первый шаг к практическому разрешению наших языковых проблем на сталинской основе»³.

Лишь в отдельных выступлениях прозвучали явно неудачные предложения, направленные либо к слишком широкому допуску в литературный язык явлений диалектной речи, либо к слишком «радикальной» ломке нынешней графической системы. Однако показательно, что все проекты такого рода встретили обоснованные возражения со стороны подавляющего большинства выступивших на конференции и в печати (см. ниже), причем в ряде выступлений отмечалось, что эти проекты являются неприемлемыми именно с позиций сталинского учения о языке.

Перейдем к рассмотрению важнейших конкретных вопросов, поднятых в той или иной форме в ходе дискуссии. Хотя практически вопросы грамматической и орфографической нормализации литературного языка были в Болгарии всегда взаимно связаны, теоретически необходимо строго разграничить оба круга вопросов. Поэтому мы отдельно рассмотрим проблемы, касающиеся нормализации языка (грамматических норм, орфоэпии), и отдельно — проблемы, касающиеся нормализации его письменного употребления (графики и орфографии).

* * *

Среди вопросов грамматической нормализации лишь сравнительно немногие подверглись обсуждению на конференции и в появившихся затем статьях.

В первую очередь здесь надо назвать уже упомянутый вопрос о членных формах мужского рода единственного числа.

¹ «Септември», № 6, 1951, стр. 163.

² Проф. д-р Л. Андрейчин. Основные проблемы на съвременния български правопис. Доклад за конференцията по въпросите на българския правопис в БАН. София, 1951, стр. 4.

³ «Септември», № 7, 1951, стр. 173.

Действующее сейчас правило употребления членных форм, как известно, предписывает употреблять «в именительном падеже» так называемый полный член, т. е. форму со звуком *т* на конце (орфографически *-ът*, *-ят*), а в «косвенном падеже» — так называемый краткий член, т. е. форму без звука *т* на конце (орфографически *-а*, *-я*). Официальное «Упътване за правописа на българския книжовен език» иллюстрирует это правило следующими примерами: *Ученикът чете. Изкачим се на върха. Протоколът се прие*¹. Это так называемое «синтаксическое» правило, впервые предложенное еще в середине XIX в.², было официально введено в 1899 г. В 1921 г., во время демократической реформы орфографии Ст. Омарчевского, оно было заменено «эвфоническим» правилом (полный член перед словом, начинающимся с гласного, краткий — перед словом, начинающимся с согласного: *ученикът играе, ученика чете*), а в 1923 г. снова восстановлено реакционным режимом Цанкова. Это «синтаксическое» правило, как неоднократно указывалось, совершенно искусственно и не имеет никакой поддержки ни в истории языка, ни в народных говорах, употребляющих только одну какую-либо форму члена — либо полную (*-ът*, *-от* и др.), либо краткую (*-ъ*, *-о* и др.). Не привилось оно фактически и в живом литературном языке в его устной форме, несмотря на усиленное полувековое внедрение его через школу и печать. В 1945 г. орфографическая комиссия, созданная правительством Отечественного фронта, категорически высказалась за отмену этого правила. В отличие от правила Ст. Омарчевского, которое также являлось искусственным, орфографическая комиссия 1945 г. предлагала правило свободного употребления обеих форм вне какой бы то ни было регламентации. Однако это предложение не было утверждено Советом министров, оставившим в силе старое «синтаксическое» правило.

В ходе развернувшейся сейчас дискуссии подавляющее большинство ее участников указывает, что сохранение этого правила в качестве нормы литературного языка было ошибкой и что необходима его скорейшая отмена. Проф. Андрейчин, говоря в своем докладе о нежизненности «синтаксического» правила, сослался, в частности, на то, что на вступительных экзаменах в вузы это правило нарушается в той или иной степени в 97—98% письменных работ по болгарскому языку³, а Вл. Георгиев иронически заметил, что «не имея какого-либо научного оправдания, оно превращает всю нашу среднюю интеллигенцию в неграмотных людей»⁴. Учителя средней школы З. Пашалиева и З. Еников требовали отмены искусственного «синтаксического» правила, исходя из многолетней практики преподавания его детям⁵. В защиту сохранения официально принятой теперь нормы раздались лишь единичные голоса.

Взамен «синтаксического» правила было предложено несколько вариантов решения этого вопроса. Как сообщил проф. Андрейчин, при обсуждении вопроса в Институте болгарского языка большинство склонялось к тому, чтобы установить свободное употребление обеих форм «без какого-либо ограничения и разграничения». Это предложение, в наибольшей мере отвечающее нынешнему реальному положению вещей, встретило,

¹ «Упътване за правописа на българския книжовен език». Официално издание, София, 1945, стр. 8.

² Ср. Ст. Стойков. Членуване на имената от мъжки род, единствено число, в българския книжовен език. Годишник на Софийския Университет, ист.-фил. фак., т. XLVI, 1949/50, кн. 4, София, 1950.

³ Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 17.

⁴ «Литературен фронт», 1951, бр. 43, стр. 6.

⁵ Там же, бр. 44, стр. 2.

однако, известные возражения как ведущее к «легализации беспорядка»¹. Поэтому некоторые (впрочем, немногие) предлагали вернуться к более легкому для усвоения «эвфоническому» правилу². Другие (большинство) предлагали ввести в качестве нормы только одну форму члена, а другую форму допускать лишь в поэзии и для благозвучия в качестве факультативного варианта. При этом одни склонялись в пользу полной формы как нормальной (например, академик Романски, академик Младенов)³, другие — в пользу краткой формы (большинство участников конференции). Признание полной формы повело бы к сохранению известного единообразия с формами члена других родов (женского и среднего) и множественного числа, поскольку в них везде имеется звук *m*, но это соображение вряд ли может иметь решающее значение; признание же краткой формы, повидимому, больше соответствует тенденции живого разговорного языка, и это, собственно, и делает такое решение вопроса наиболее приемлемым для большинства. Есть все основания ожидать, что именно это решение и будет принято в качестве окончательного.

Не встретило широкой поддержки на конференции другое предложение, затрагивающее действующие сейчас грамматические нормы языка, — предложение проф. Андрейчина совершенно изгнать из употребления старое окончание родительного-винительного, факультативно употребляемое в языке у существительных личного значения (*на Ивана, от Ивана, с Ивана, виждам Ивана* и т. д., рядом с *на Иван, от Иван, с Иван, виждам Иван*)⁴. Общая ссылка на «анализм» болгарского языка вряд ли может принести существенную пользу при решении этого вопроса, требующего к себе конкретного подхода. Надо выяснить, насколько употребительно указанное окончание в живом литературном языке и народных говорах. Нам представляется, что вполне прав был проф. Динеков, отметивший, что принятие этого предложения Андрейчина представляло бы собой ничем не оправданное насилие над языком.

«Лично я, — заявил проф. Динеков, — в своей практике почти не употребляю этого родительного-винительного окончания и не являюсь его приверженцем. Однако я не думаю, что оно полностью исчезло из литературного языка. Наоборот, оно еще живо в обиходной речи и в литературе»⁵. Приведа несколько примеров из Ив. Вазова, оратор продолжал: «Подобные формы находим у Пенчо Славейкова, Д. И. Полянова, А. Страширова и др., а также и у ряда современных писателей. Например, Хр. Радевски пишет:

Каква ще бъде твоята съдбина,
Страна на Левски и на Ботева...

или:

Като един ще дигнеме гърди
Когато трепне знамето на Ленина...»⁶

К этому можно было бы добавить соответствующие примеры из языка современных прозаиков. более, на наш взгляд, убедительные, чем примеры

¹ Ср., например, выступление академика Ст. Ромацкого («Литературен фронт», бр. 43, стр. 6).

² Например, литературовед проф. Г. Цанев («Литературен фронт», бр. 43, стр. 7), школьный инспектор П. Ганчев (там же, бр. 50, стр. 3).

³ Там же, бр. 43, стр. 6 и 7.

⁴ Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 19.

⁵ «Литературен фронт», бр. 44, стр. 2.

⁶ Там же.

из поэзии. Ср. у Вес. Геновской (рассказ «Утро»): «*Бях при Игната*» (в прямой речи одного из действующих лиц); «*има място и при Стояна*» (в авторской передаче мыслей героини); «*като се започне от Петра, с когото беше всдила най-тежка борба...*»¹ и т. д. Из других предложений, так или иначе связанных с вопросами грамматической нормализации, отметим касающееся отыменных глаголов с суффиксом *-ува-* и затрагивающее четкость морфемного состава этих глаголов. Предложение это, выдвинутое Институтом болгарского языка и содержащееся в докладе, состоит в том, чтобы узаконить глагольные формы типа *действам, участвам, отсъствам, използвам* наряду с принятыми сейчас в качестве единственно правильных *действувам, участвувам, отсъствувам, използвавам*². Как соответствующее живому разговорному употреблению, это предложение встретило активную поддержку в ряде выступлений (а некоторые потребовали даже вовсе отменить принятые сейчас формы и пользоваться только более краткими). Правда, были и возражения. Отмечалось, что формы типа *чувствам — действам* характеризуют лишь небрежную разговорную речь и потому не могут быть введены в литературный язык, тем более в качестве обязательной нормы³.

Можно думать, что «дублеты» типа *действувам — действам*, составляя реальный факт языка, отражают определенные стилистические различия — различия между «полным» и «разговорным» стилем, по терминологии академика Л. В. Щербы⁴. Если это действительно так, то формы типа *действам* могли бы быть допущены при передаче разговорной речи в литературных произведениях (ср. русское *Иван Иванович — Иван Иваныч*, а у Маяковского даже *Ван Ваныч*, но уже явно иронически). Или они имеют право и на более широкое признание? Во всяком случае, вопрос этот, повидимому, нуждается в дополнительном изучении.

В связи со спором по поводу дублетных форм типа *отсъствам — отсъствувам*, как и в ряде других случаев, на конференции и в последующей дискуссии ставился и более общий вопрос, с которым неизбежно сталкивается всякая языковая нормализация, — вопрос о том, в каком объеме, в каких пределах допустимо признание равноправных параллельных дублетных форм и где необходима более жесткая регламентация, предписывающая употребление только одной определенной формы. Несмотря на отдельные колебания в этом вопросе, обсуждение в целом пошло в его решении, как нам кажется, по правильному пути. Многие участники дискуссии, исходя из руководящих положений И. В. Сталина, справедливо указывали, с одной стороны, на неуместность увеличения — в любой области языковой нормализации — большим количеством параллельных «дублетных форм», на необходимость свести их число к минимуму, а, с другой — также и на то, что в определенных случаях наличие «дублетов», несколько не подрывая единства и общепонятности языка для всех членов нации, является естественным отражением борьбы элементов нового и старого качества в непрерывном развитии и совершенствовании языка⁵. Призвав в своем заключительном слове к ограничению числа дублетов, академик Т. Павлов

¹ «Рассказы современных болгарских писателей», М., 1950, стр. 161—162.

² Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 19.

³ См. выступление А. Тодорова («Литературен фронт», бр. 44, стр. 2) и появившуюся уже после конференции статью Вл. Васильева (там же, бр. 60, стр. 3).

⁴ См. Л. В. Щерба. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов. «Записки нефилологического общества», вып. VIII, Пг., 1915, стр. 339—347.

⁵ Ср., например, выступление Вл. Георгиева («Литературен фронт», бр. 43, стр. 6—7).

одновременно осудил некоторые крайности в этом вопросе, подчеркнув, что «полное устранение каких бы то ни было дублетов при нынешнем фактическом состоянии и развитии нашего языка не является ни возможным, ни целесообразным...»¹

* * *

Вопросы орфоэпической, произносительной нормы заняли в ходе дискуссии очень важное место, хотя они далеко не всеми участниками формулировались именно как вопросы орфоэпические. Очень часто орфоэпический спор скрывался за чисто орфографическим, на первый взгляд, спором о правописании.

То, что именно вопросы орфоэпии стали сейчас особо актуальными, имеет свои веские причины.

Именно в области живого произношения литературного болгарского языка царит до сих пор наибольший разнобой, имеется больше всего противоречий и неясностей. До недавнего сравнительно времени литературный язык рассматривался в Болгарии «преимущественно как язык письменный, воспринимаемый зрительно... Внимание было обращено главным образом на правописание, и от образованного человека требовалось, чтоб он владел письменной формой языка, т. е. соблюдал установленные орфографические правила, которые, однако, во многих случаях... вовсе не обязывали его литературно произносить написанное.... Существовало стремление к единству правописания, но не к единству произношения»². Интерес к орфоэпии, возникший лишь за последние 20—30 лет, привел пока лишь к выявлению ряда спорных вопросов³, но не к их разрешению.

Между тем в свете сталинского положения об общенародном характере языка и о постепенном перемалывании и растворении в едином языке нации его местных, территориальных диалектов, в свете положения о том, что язык должен быть и является «единым для общества и общим для его членов»⁴, становится совершенно очевидной настоятельная необходимость и правильность курса на полное изжитие в литературном языке всех и всяческих пережитков диалекта, хотя бы они оставались в сфере одной только устной речи. Это значит, что сейчас во весь рост встает задача установления вполне четкой и единой, обязательной для всех нормы литературного произношения.

Надо, правда, отметить, что не все основные спорные моменты болгарской орфоэпии нашли свое отражение в работе конференции и в последовавших затем статьях в печати. Так, к сожалению, вовсе не дебатировались важный вопрос о степени редукции неударных гласных в литературном языке⁵ и не менее важный вопрос о степени смягчения согласных перед гласными переднего ряда. Не были подвергнуты принципиальному рассмотрению спорные проблемы ударения (высказывались лишь попут-

¹ «Литературен фронт», бр. 46, стр. 3.

² Ст. Стойков. Ятовият въпрос в новобългарския книжовен език. Годишник на Софийския Университет, ист.-фил. фак., т. XLIV, 1947/48, кн. 4, София, 1948, стр. 30.

³ См. статью Ст. Стойкова «Problémy bulharské spisovné výslovnosti», опубликованную в «Časopis pro moderní filologii», Ročník XXXIII (1950), Číslo 2.

⁴ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

⁵ Выдвигалось лишь предложение заменить некоторые формы с суффиксом -ова- формами с суффиксом -ува- (*негодование, съревнование* вместо принятых сейчас *негодование, съревнование*), отражающее тенденцию народных говоров и живого произношения к редукции о > у (см. Андрейчин. Указ. соч., стр. 19), и предложение заменить приставку о- приставкой у- в глаголах типа *остаряя* (см. уже не раз упомянутое выступление Вл. Георгиева).

ные замечания, касавшиеся ударения в отдельных словах). В центре всеобщего внимания стояли, собственно, лишь два больших орфоэпических вопроса, тесно связанных с проблемами графики и орфографии, — вопрос о «якающем» и «экающем» произношении этимологического ъ и вопрос о «темном» или «ясном» произношении глагольных окончаний 1 л. ед. и 3 л. мн. ч. настоящего времени глаголов I и II спряжения и краткой формы члена мужского рода единственного числа.

Рассмотрим спор по вопросу о «яканье» и «эканье».

«Яканьем», как известно, называют произношение этимологического ъ как *a* со смягчением предшествующего согласного (например, *xl'an*, *br'ak*), «эканьем» — произношение старого ъ как *e* (*xlep*, *brak*). Говоря о борьбе «якающей» и «экающей» нормы в литературном языке, имеют в виду определенное фонетическое положение, проиллюстрированное приведенными примерами, т. е. положение под ударением не перед мягким или смягченным согласным. В других положениях (вне ударения, под ударением перед мягким или смягченным согласным) литературное произношение не является спорным: в этих положениях признается только *e* (*бреговѣ*, *хлѣбен*).

Как известно, вопрос о «яканье» и «эканье» не является каким-либо новым вопросом в истории болгарского языка. Тем не менее на нем необходимо остановиться подробнее, так как в нынешней дискуссии споры вокруг этого вопроса разгорелись с новой силой, причем некоторые сторонники «эканья» дошли даже до предложения восстановить букву ъ и с нею былую двойственность произношения.

Борьба «яканья» и «эканья» активно протекала еще в период начального формирования болгарского национального литературного языка как борьба восточноболгарской («якающей») и западноболгарской («экающей») норм. На определенном этапе борьба эта закончилась победой «умеренного яканья» (т. е. «яканья» только в указанном выше фонетическом положении), что в общем и целом соответствовало положению в северо-восточных балканских говорах, которые, как известно, и легли в основу литературного болгарского языка. Однако победа даже «умеренного яканья» не была абсолютной (о чем ниже), и, самое главное, она не была своевременно закреплена графикой. Наоборот, графика воспрепятствовала закреплению этой победы, сохранив двусмысленное, допускавшее двойное чтение, традиционное написание (*хлѣбъ*, *брѣгъ*). Не имея опоры в письме, «яканье», хотя оно и признавалось в качестве официальной нормы, не смогло утвердиться на территории западных говоров, где оно не отвечало положению в диалекте. Слабость или даже полное отсутствие орфоэпической тренировки в школе приводили к устойчивому сохранению в западных районах страны, в том числе и в столице, нелитературного «экающего» произношения даже у людей, получивших среднее и высшее образование.

Фактически создалось такое положение, при котором буква ъ представляла собой своеобразный графический компромисс между произношением восточных и западных областей страны: внешнее, графическое единство литературного языка обеспечивалось сохранением буквы ъ (что и было излюбленным аргументом всех ее сторонников); отсутствие единства живого произношения было скрыто и завуалировано применением двусмысленного буквенного знака.

С другой стороны, победа северо-восточного «умеренного яканья» в целом в принципе вовсе не означала, как уже упомянуто, абсолютной победы его во всех без исключения словах и формах, которые по фонетическим законам, действующим в северо-восточных говорах, должны были иметь «якающее» произношение. Не говоря уже о том, что даже внутри самих северо-восточных говоров вовсе нет полного единства

в правилах отражения этимологического ъ и каждый говор имеет, строго говоря, свой вариант «ятева правила», литературный язык воспринял и кое-что из говоров западных, «экающих» (например, слова — по старой орфографии — *въкъ, човъкъ, невъста*, в которых этимологический ъ произносится как *е*), и из русского языка с его «экающим» произношением всякого этимологического ъ (например, слова — по старой орфографии — *дъло, успъхъ* и мн. др.¹ С течением времени поток западных «экающих» форм еще более усилился, чему способствовал, в частности, авторитет столицы, лежащей, как известно, на территории западноболгарских говоров.

Вместе с тем на юго-востоке страны (частично и в некоторых районах на северо-востоке) «яканье», в соответствии с местным диалектом, оказывается представленным шире, чем этого требует литературная норма (например, *н'áшто* (вм. литературного *нѣштс*). Случаи незакономерного, аналогического «яканья» начинают попадаться и на западе в порядке «гиперизмов», поскольку в отдельных словах восточноболгарское «яканье» усваивается на западе, но усваивается механически, без ясного ощущения правил чередования (так, по аналогии к *б'ал — б'ала — б'ало* образуется неправильное *б'али* вм. правильного *бѣли*). Все это вносит в произношение еще большую путаницу.

Начиная с 90-х годов XIX в. все передовые проекты орфографической реформы содержали предложения об отмене традиционной буквы ъ и замене ее фонетическими написаниями согласно нормам литературного произношения. Тем самым эти предложения были направлены в области орфоэпии на преодоление разрыва между произношением разных областей страны, на создание подлинного единства литературного языка, единства не только в сфере графики, но и в сфере устной речи. Разумеется, такое единство могло быть создано только путем отказа от областных норм произношения этимологического ъ в пользу единой, общebolгарской нормы.

Когда в 1921 г. впервые была на практике осуществлена отмена буквы ъ, заместителем ее во всех случаях было официально признано почему-то только *е*. Но победа «эканья» была мнимой. На деле вместо ъ стали писать и *е* и *я*, придерживаясь в общем и целом норм «умеренного яканья», хотя и с большими колебаниями в отношении ряда слов². В 1923 г., как известно, буква ъ была снова восстановлена.

Во второй раз эта буква была отменена в феврале 1945 г. На этот раз замена ъ была осуществлена в соответствии с нормами «умеренного яканья», т. е. посредством *я* (*хляб, бряг*) и *е* (*хлебен, брегове*), причем было сформулировано не только общее правило, но и официально установлены списки слов и форм с *я* и с *е*³, что сыграло очень большую роль как в уточнении орфоэпической нормы, так и в ее внедрении в живую устную речь во всех областях страны.

Разумеется, графическое закрепление «якающей» орфоэпической нормы принесло с собой известные трудности для той части населения, которая привыкла к «экающему» произношению. Подобные трудности неизбежны в процессе устранения областных различий, перемалывания диалектных различий в едином национальном языке. Без этого невозможна никакая нормализация. Только ясно осознав это положение, можно правильно

¹ Подробнее см. в упомянутой монографии Стойкова («Ятовият въпрос»), стр. 34—39.

² См. там же, стр. 16.

³ См. «Ультиване», стр. 4—8. Впрочем, отмечают, что списки оказались не совсем полными, а в некоторых своих предписаниях — спорными. Ср. С т о й к о в. Ятовият въпрос, стр. 42—43.

оценить некоторые выступления на конференции и в печати, связанные с вопросом о «яканье» и «эканье».

В качестве крайнего и последовательного сторонника «эканья» выступил на конференции Дим. Осинин. Он предложил официально ввести «эканье» в качестве орфоэпической нормы, т. е. полностью отказаться от сложившейся традиции и, так сказать, «перебазировать» литературный язык с востока на запад. Осинин считает, что «яканье», представляя, как он выражается, «маленький островок в экающем океане славянских языков», обречено на вымирание и что нынешняя орфоэпическая норма является неудобной почти «для двух третей болгар»¹. Эта цифра, которой оперирует Осинин, очевидно, неуместна, так как она охватывает и население юго-восточной Болгарии, для которого нынешняя норма если и неудобна, то, с другой точки зрения, именно как недостаточная «экающая». Совершенно очевидно, что введение «экающей» нормы оказалось бы неудобным еще для гораздо большего процента населения. Что касается «экающего океана славянских языков», то, во-первых, в этом океане есть, как известно, и другие, отнюдь не «экающие» острова, а, во-вторых, как это ясно в свете основополагающих трудов И. В. Сталина, нормирование болгарского произношения должно опираться прежде всего на внутренние законы развития самого болгарского языка, а не на аналогии других славянских языков.

Чувствуя непрочность своей позиции, Осинин соглашается допустить в качестве факультативного варианта и «якающее» произношение (при условии сохранения на письме буквы е)². В пользу свободного сосуществования «эканья» и «яканья» в литературном языке, т. е. фактически в пользу сохранения старой двойственности, выступали поэты Дм. Полянов, Хр. Радевски, школьный инспектор из г. Пирдоп П. Ганчев и некоторые другие. Хр. Радевски, например, заявил: «Мы не можем применить диктатуру одного наречия по отношению к другому»³. Будучи последовательными, сторонники «свободы» в этом вопросе предлагают восстановить и букву ѣ или ввести какой-либо новый знак (ѣ, ѣ̄), который бы употреблялся на месте старого ѣ.

Правильное возражение против всех подобных требований было сформулировано уже в докладе Л. Андрейчина: «Допустить двоякое — и восточное и западное — произношение ѣ означало бы сделать значительный шаг назад в развитии нашего национального литературного языка... Если речь идет о единстве произношения, нет никаких оснований отменять яканье, уже установившееся в качестве литературной нормы»⁴. Что же касается поэтов, то для них действующее сейчас «Упътване» допускает в качестве «поэтической вольности» во всех случаях употребление «экающих» форм, и это право может быть оставлено за ними и в дальнейшем⁵.

Убедительный и яркий ответ сторонникам абсолютной «свободы» в вопросах «яканья» и «эканья» дает Вл. Васильев в своей статье, написанной уже после конференции:

«После выступлений товарища Сталина, — пишет Васильев, — нет места для споров — мы должны стремиться к единству нашего национального языка. Единство, которое устанавливалось с помощью буквы ѣ, было фор-

¹ См. «Литературен фронт», бр. 43, стр. 7.

² В своей статье, появившейся после конференции («Литературен фронт», бр. 47, стр. 3), Осинин еще в большей мере идет на уступки «яканью».

³ «Литературен фронт», бр. 45, стр. 2.

⁴ Л. А н д р е й ч и н. Указ. соч., стр. 9.

⁵ «В поезията се допуска е вместо я във всички горезброени случаи» («Упътване», стр. 8).

мальным, графическим. Подлинное единство будет достигнуто лишь тогда, когда мы унифицируем и устную речь... Излишними являются здесь разговоры о какой-то «диктатуре одного наречия над другим», так как против наречий не применимы никакие административные меры... Пусть в конце концов каждый говорит как хочет, но пусть, взяв в руки книгу, каждый знает, что она напечатана на таком же языке, как и все другие книги, независимо от того, из какой области Болгарии происходит автор. И в университетской аудитории пусть каждый услышит не своего земляка из Пирдопа или из села Ляляче, а общеполитическую литературную речь»¹.

Сходные мысли выражал на конференции писатель из Западной Болгарии Ангел Тодоров, который раньше сам стоял за широкое допущение «эканья». Он сказал: «До выступления товарища Сталина я склонялся к тому, что мы должны ввести в наше правописание какой-то такой знак, который позволил бы произносить двояким образом слова со спорным разговором.... Однако своим выступлением товарищ Сталин рассеивает эти колебания и учит нас, что основным принципом всякого национального языка должно быть его единство. Бесспорно, это единство будет грубо нарушено, если одни болгары будут произносить, например, *гляб, мялко, видях* и т. д., а другие болгары — *хлеб, млеко, видех*. Ни в русском, ни в каком-либо другом национальном литературном языке нет подобной двойственности в произношении, хотя и в этих языках существуют различные диалекты. Очевидно, и мы должны остановиться на каком-то одном типе произношения... и, хотя я лично происхождения из Западной Болгарии и мне довольно трудно усвоить «яканье», я считаю, что именно оно, как более распространенное, должно быть принято всеми нами, по количеству случаев, в которых узаконено «эканье», следовало бы несколько увеличить»².

Предложения о некотором увеличении количества случаев «эканья» — в отдельных словах и категориях слов — выдвигались также от имени института в докладе проф. Андрейчина и в ряде выступлений. В частности, предлагалось по типу чередования *седна* — *сядам* ввести «экающее» произношение глаголов *мерна, белна се, избегна, вдена, делна, резна* и других подобных (вместо нынешних *мярна, бялна* и т. д.), сохранить «яканье» в соответствующих несовершенных — *мяркам, бялам се* и пр.; узаконить «экающее» произношение ряда слов, в частности *резьк, хлебна, мекотело* (Андрейчин), *пресна, смена, стреха, спевка, верно* (Вл. Василев; Андрейчин, наоборот, предлагает сохранить *спявка, варно*). С другой стороны, предлагалось узаконить «якающее» произношение в некоторых словах, хотя и заимствованных из русского или книжных по своему происхождению, но уже давно освоенных живым болгарским языком (например, *зрялост, зрялостен*, по аналогии со словом *зрял*, вм. нынешних официально принятых *зрелост, зрелостен*)³.

В целом весь ход прений и, в частности, выступления Анг. Тодорова, Вл. Василева и ряда других участников дискуссии — лингвистов и нелингвистов — ясно показывают, что спорный, наболевший вопрос о «яканье» и «эканье» будет успешно разрешен болгарской общественностью на основе

¹ «Литературен фронт», бр. 59, стр. 3.

² Там же, бр. 44, стр. 2.

³ См. Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 18, и «Литературен фронт», бр. 59, стр. 3. В пользу некоторых уступок «экающему» произношению высказался в своем заключительном слове и академик Т. Павлов (см. «Литературен фронт», бр. 46, стр. 3). Сюда же примыкает содержащееся в докладе Андрейчина (стр. 18—19) предложение института узаконить западные формы имперфекта типа *мълчех* — *мълчеше*, *стоях* — *стоеше* вместо восточных *мълчах* — *мълчеше*, *стоях* — *стоеше*, отражающих перегласовку 'а > е, по существу тождественную перегласовке ъ.

руководящих сталинских положений о единстве национального языка, о постепенном перемалывании и растворении в нем его местных диалектов.

Второй крупный орфоэпический вопрос, поставленный в ходе дискуссии, — вопрос о «темном» или «ясном» произношении некоторых глагольных окончаний и краткой формы члена. Речь идет прежде всего о тех случаях, когда на соответствующий гласный падает ударение (т. е. о таких формах, как орфографические *чета, четат, вървя, вървят, града, деня*). Речь идет также о связочном и вспомогательном глаголе *са*, который в некоторых случаях может оказаться под ударением (в сочетании *не са*). «Темное» произношение всех этих форм есть произношение их с гласным *ѣ* (*четѣ, четѣт, вървѣ, вървѣт, градѣ, денѣ, несѣ*), «ясное» произношение — произношение их с *а* (*четá, четáт, вървá, вървáт* и т. д.). «Темное» произношение соответствует положению в подавляющем большинстве диалектов, оно оправдано исторически и традиционно признается орфоэпической нормой литературного языка. «Ясное» произношение опирается на факты некоторой части диалектов и более всего (особенно в отношении членной формы) — на написание. Оно имеет сильные позиции в столице, особенно в глагольных формах. Отмечают его распространение среди молодежи, у детей. В течение последних двух десятилетий «ясное» произношение (особенно в глагольных формах) начинает довольно настойчиво претендовать на роль литературного¹.

Споры по вопросу о «темном» и «ясном» произношении имели место среди болгарских лингвистов еще задолго до конференции. На «темном» произношении настаивали, в частности, Ст. Младенов, Н. Костов, Л. Андрейчин², на «ясном» — А. Теодоров-Балан³. В ходе нынешнего обсуждения подавляющее большинство высказалось в пользу «темного» произношения, т. е. в пользу *ѣ*. Значительные расхождения обнаружились лишь в вопросе графического обозначения этого *ѣ*, но об этом ниже.

Из более частных орфоэпических вопросов, затронутых во время дискуссии, отметим вопрос о некоторых словах с сочетаниями *-ър/-ръ-* и норм *-ъл/-ль-* (предлагается уточнить и пополнить список исклечений из общего правила чередований в позиции перед таутосиллабическим и гетеросиллабическим согласным) и вопрос о произношении некоторых заимствованных слов (предлагается привести произношение некоторых типов заимствованных слов в более полное соответствие с навыками болгарского произношения, а для ряда новейших заимствований из неславянских языков и иностранных имен собственных — учитывать традицию их передачи в русском языке)⁴. Отметим, наконец, не встретившее сколько-нибудь

¹ Менее остро стоит вопрос о произношении соответствующих окончаний, когда они оказываются в неударной позиции. Объясняется это тем, что в неударном слоге, в условиях редукции, четкое противопоставление фонем *а* и *ѣ* сглаживается или вовсе исчезает. Ясно, что разрешение этого вопроса применительно к неударному слогу возможно лишь в связи с постановкой общего вопроса о неударном вокализме в литературном болгарском языке.

² См. д-р Ст. Младенов и Ст. Василев. Граматика на българския език. София, 1939, стр. 24—25 и 42—44; Никола Костов. Българска граматика, София, 1939, стр. 61 и 130; д-р Л. Андрейчин. Основна българска граматика, София, 1942, стр. 141 и 210. В русском издании (Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1949) соответственно стр. 98 и 148.

³ См. А. Теодоров-Балан. Българска граматика. Дял 1, София, 1930, стр. 133, 140.

⁴ См. Л. Андрейчин. Основните проблеми, стр. 19—22, пункты 6, 7, 10, 11 и раздел В.

широкого сочувствия на конференции предложение А. Теодорова-Балана и Дм. Полянова восстановить в литературном языке мягкое произношение некоторых конечных согласных (и соответственно восстановить в этих случаях букву ь)¹. Подавляющее большинство говоров болгарского языка полностью утратило мягкость согласных на конце слова и перед другим согласным, поэтому нет никаких оснований искусственно восстанавливать эту мягкость в литературном произношении и обозначать ее на письме.

* * *

Перейдем к рассмотрению споров и предложений, относящихся в собственном смысле к графике и орфографии болгарского языка.

Большинство участников дискуссии отвергло некоторые слишком «радикальные» проекты коренной ломки нынешней графической системы и орфографии, выдвигавшиеся в отдельных выступлениях. И это, несомненно, правильно. В обычных условиях коренная ломка письма является нецелесообразной и даже вредной. Совершенно прав был проф. Андрейчин, отмечавший: «Крупные и внезапные изменения в графической системе представляют собой серьезное препятствие в деле усвоения и поддержания грамотности и в деле использования имеющихся книжных фондов широкими массами народа»². «Товарищ Сталин кладет конец всяческим попыткам умозрительного теоретизирования в области правописания, попыткам умозрительного новаторства, оторванного от конкретной практической основы»³.

Именно как умозрительное новаторство, лишенное какой бы то ни было реальной почвы, и был отвергнут большинством конференции утопический проект изгнания из болгарской азбуки букв я и ю, т. е. проект отказа от такого основного и древнего принципа славянской графики, как принципа обозначать мягкость согласного посредством буквы, передающей следующий за ним гласный звук. Правда, в современной болгарской графике принцип этот проводится не вполне последовательно, так как мягкость согласного перед о обозначается другим способом — буквой ъ (*асансьор* — «асанс'бр», *актьор* — «акт'бр» и т. п.), однако распространение подобного способа обозначения мягкости на положения перед а и у было бы крайне нецелесообразно со всех точек зрения. Отметим, что подобные проекты уже выдвигались ранее (например, в 1892 г. так называемой первой орфографической комиссией), но оказались нежизненными. Напомним также, что и по отношению к русскому письму высказывались подобные предложения, но и они оказались совершенно бесполезными и утопическими⁴.

Не встретили одобрения и некоторые другие проекты подобного рода, содержащиеся в отдельных выступлениях, например проект изгнания буквы щ и замены ее сочетанием шт, проект замены буквы й буквой і или ј и т. п.

Не были поддержаны большинством участников дискуссии требования отказа от морфологического принципа в болгарской орфографии,

¹ См. «Литературен фронт», бр. 43, стр. 7 и бр. 44, стр. 2. Балан говорил о сохраняемой некоторыми говорами этимологической мягкости конечных д, т, л, н, р.

² Л. Андрейчин. Основные проблемы, стр. 4—5.

³ Там же, стр. 5—6.

⁴ Ненужность и утопичность подобных «коренных реформ» русского письма убедительно показана в статье А. Б. Шапиро «Вопросы русской графики и орфографии в свете работ И. В. Сталина по языкознанию» (ИАН, ОЛЯ, М., 1951, вып. 3).

требования сделать ее чисто фонетической, основанной только на звучании каждой данной формы. «Никто, конечно, не может требовать, чтобы орфография оставалась всегда неизменной. Но необходимость изменений и уточнений в каждом отдельном случае должна быть всесторонне изучена, продумана и обоснована научно; изменения эти должны быть практически целесообразными»¹. Между тем совершенно очевидно, что для болгарского языка с его развитой системой живых позиционных чередований звонких и глухих согласных (*здрáва — здраф, раздáвам — распрáв'ам, сна́с'ам — збѣрквам* и т. д.) переход к последовательному «фонетизму» орфографии был бы именно нецелесообразен (см. ниже).

Необходимо подчеркнуть, что почти все выступавшие выразили в общем и целом удовлетворение важной и прогрессивной реформой графики и орфографии, которая была проведена правительством Отечественного фронта в феврале 1945 г. Как вытекает из всего хода дискуссии, реформа 1945 г. представляет собой здоровую основу, на которой и следует развивать дальнейшее болгарское правописание, добиваясь его улучшения и уточнения в ряде отдельных пунктов. В чем же состояла сущность реформы? Каковы ее достоинства? Каковы ее отдельные слабые места, отдельные моменты, не получившие еще в 1945 г. вполне удовлетворительного разрешения и нуждавшиеся в дополнительном уточнении и доработке?

Сущность реформы состояла, как известно, в решительном упрощении графики и отказе от традиционно-этимологического принципа в орфографии в пользу значительного усиления фонетического принципа. Были полностью выброшены из алфавита две буквы — *ж* и *ѣ*, было отменено написание «немых» *ъ* и *ь* на конце слова после согласной, а равно и употребление *ь* для обозначения гласного *ъ* после мягкого согласного (*деньтъ*), благодаря чему буквы *ъ* и *ь* утратили всю прежнюю многозначность. В результате отмены буквы *ѣ* была ликвидирована ненужная двойственность: 1) в передаче фонемы *а* после мягкого согласного и 2) в передаче фонемы *е*. Как уже отмечено выше, с отменой *ѣ* устранялось серьезное препятствие на пути к окончательному установлению единого литературного произношения и повсеместному усвоению этого произношения народными массами. В результате отмены буквы *ж* было уменьшено, хотя и не ликвидировано полностью, ненужное и вредное многообразие в передаче фонемы *ъ* после твердого согласного и в начале слова. Все это вместе взятое повело к решительному упрощению правил орфографии, к тому, что болгарское письмо в целом стало значительно более легким для усвоения, значительно более доступным для широких масс.

Современная болгарская орфография в основном покоится на разумном сочетании фонетического и морфологического принципов. Фонетический принцип особенно ясно проявляется там, где передаются звуки, состоящие между собой в исторических чередованиях (к числу исторических чередований должно быть отнесено в литературном языке и чередование *-а — е*)². Морфологический принцип действует там, где речь идет

¹ А. Мординов, Г. Санжеев. Некоторые вопросы развития младославянских языков народов СССР. «Большевик», № 8, 1951, стр. 43.

² То, что в литературном языке, в отличие от северо-восточных говоров, это чередование не живое, историческое, доказывается его непродуктивностью и непоследовательностью, наличием многочисленных исключений, тем, что оно привязано к этимологическому *ѣ* и не распространяется на случаи вроде *жаба — жаби* или *ядога — адат* и т. д. Ср. Ст. Стойков. Ятовият въпрос, стр. 119—120.

о передаче звуков, состоящих между собой в живых фонетических чередованиях.

Так, произнося *бр'ак* — *бреговé* (или *бригувé*), пишут *брияг* — *брегове*, т. е. отражают в написании чередование 'а — е, ставшее историческим, но не отражают живого фонетического чередования г — к (и чередований е — и, о — у, если допускать редукцию неударных гласных). И это правильно: более широкое применение морфологического принципа (например, написание *брияг* — *бриягове*) повело бы к орфоэпической неясности, тогда как чтение последней буквы слова *брияг* никакой орфоэпической неясности у болгарина вызвать не может (произношение г здесь фонетически невозможно); более широкое применение фонетического принципа (например, написание *брияк* или *бригуве*) разрушило бы без всякой пользы единый графический облик морфемы (в данном примере — корня *брияг/брияг*) и потому затруднило бы процесс понимания написанного текста.

Точно так же и в других случаях. Хотя слово *радост* произносится без конечного т (впрочем такое произношение свойственно, скорее всего, «неполному» стилю), а в членной форме (орфографически — *радостта*) — с одним т, было бы нецелесообразно вводить фонетические написания вместо нынешних морфологических, обеспечивающих сохранение единого графического облика морфемы *-ост-* (ср. мн. *радости*, прилагательное *радостен* и т. д.) и морфемы *-та* — определенного члена ед. ч. ж. р. (ср. *солта*, *любовта* и, далее, *жената*, *къщата* и во всех других существительных ж. р.).

Лишь в написании некоторых слов и форм в современной болгарской орфографии встречаются непоследовательности вроде написания *сърце* (по фонетическому принципу), несмотря на *сърдечен*. В целом же оба основных принципа четко разграничены и потому прекрасно дополняют друг друга. Прав был проф. Андрейчин, говоря: «Наше современное правописание представляет собой внутренне организованную систему, а не механический конгломерат разных принципов»¹.

Что касается недостатков и слабых мест реформы 1945 г. и вместе с тем недостатков и слабых мест действующей сейчас болгарской графики и орфографии, то они могут быть сведены к следующим двум основным пунктам²:

1. Была сохранена ненужная двойственность в обозначении фонемы *ъ* после твердого согласного: в ряде случаев, особенно на конце слова, фонема *ъ* после твердого согласного обозначается не буквой *ъ*, а буквой *а* (*чета*, *четат*, *са*, *из града*), которая, таким образом, также оказывается двойственной, имеет два звуковых значения — *а* и *ъ*. Правда, некоторые, как мы видели, считают, что в этих случаях не только пишется, но и произносится *а*, однако сторонников такого произношения все же меньше, чем сторонников *ъ*. Орфоэпический спор разрешается как будто, как явствует из хода дискуссии, в пользу *ъ*. В этих условиях сохранение написаний типа *чета*, *из града* и т. д. (а примеры типа *града* после предполагаемой отмены «синтаксического» правила будут встречаться, повидимому, особенно часто), несомненно, затруднит преодоление областного, провинциального произношения и внедрение литературного произношения и притом в различных категориях слов и форм. Во-первых, и непосредственно — в рас-

¹ Л. Андрейчин. Основные проблемы, стр. 14.

² Говорим здесь только об основных недостатках в области письменной фиксации языка, т. е. графики и орфографии. О недостатках реформы, связанных с нормализацией самого языка (например, о таком недостатке, как сохранение искусственного правила употребления полного и краткого члена), речь была выше, на стр. 31—32.

смотренных выше случаях типа *чета*, *из града*, *са*, где буква *а* будет прямо поддерживать неправильный выговор; во-вторых, косвенно — в существительных женского рода типа *жена*, *вода* и в членных формах существительных женского рода типа *пролетта*, которые, согласно литературной норме, должны произноситься с конечным *а*, но во многих восточнoболгарских диалектах и в диалектно окрашенном произношении многих болгар, говорящих в общем на литературном языке, звучат с конечным *ъ*. Естественно, что двусмысленность буквы *а*, привычка чтения ее как *ъ* в словах *чета*, *града* и т. п. создает широкие возможности такого же ее чтения и в других случаях, где литературная норма требует звука *а*.

2. Примерно в том же роде и даже хуже обстоит дело с обозначением фонемы *ъ* после мягкого согласного и с обозначением сочетания фонем «*ј* + *ъ*». Оба эти случая не имеют своего специфического, только им присущего буквенного обозначения. Используемая в этих случаях буква *я* оказывается слишком «перегруженной» — она имеет четыре звуковых значения: 1) *ја* (*ям*, *Стоян*), 2) '*а* (*няма*), 3) *јъ* (*стоя* — «стојъ», *стоят* — «стојът») и 4) '*ъ* (*вървя* — «върв'ъ», *вървят* — «върв'ът», *деня* — «ден'ъ», *денят* — «ден'ът»). Правда, 1-е и 3-е значения четко отграничены от 2-го и 4-го в соответствии с общим правилом чтения так называемых «йоти рованных гласных букв» (в современной болгарской графике — *я* и *ю*), так что недоразумения здесь практически невозможны, но 3-е и 4-е значения не отграничены от 1-го и 2-го, т. е. здесь в полной мере имеют место все те недостатки, о которых говорилось выше применительно к букве *а*.

Подчеркиваем, что оба отмеченных недостатка являются недостатками не просто потому, что, скажем, вообще «один звук не должен передаваться двумя способами» или «одна буква не должна иметь два (тем более четыре) звуковых значения». Ведь славянская кирилловская графика знает и другие подобные примеры (ср. передачу фонемы *ј* в том же болгарском или в русском письме или звуковые значения таких букв, как болгарское и русское *ю*, русские *е* и *ё* и т. д.), что, однако, не рассматривается нами как недостаток или слабое место этой графики. Вопрос о недостатках или достоинствах графики решается не на основе механического подсчета «точных соответствий» и «несоответствий» между буквой и звуком, а на основе целой совокупности показателей, характеризующих данную графическую систему в первую очередь с ее деловой, практической стороны. Так, с точки зрения абстрактного принципа «каждой фонеме — своя графема» (принципа, обязательного для научной фонетической транскрипции, но вовсе не обязательного для практического письма) и русская и болгарская графика должна была бы иметь особые буквы для каждого мягкого согласного, т. е. почти в два раза больше согласных букв. Но практически оказывается более удобным обозначать мягкость согласного выбором буквы для последующего гласного (и в определенных случаях «мягким знаком»), так как это значительно уменьшает состав алфавита и в то же время не сопряжено ни с какими трудностями при пользовании письмом. Следовательно, и в данном случае дело вовсе не в том, что нарушен абстрактный принцип «однозначного соответствия» буквы — звуку. Дело в тех п р а к т и ч е с к и х п о с л е д с т в и я х, которые влечет за собой нарушение этого соответствия в данном конкретном случае, прежде всего в тех затруднениях, которые возникают на пути орфоэпической нормализации болгарского литературного языка, на пути внедрения единых произносительных норм, усвоения литературно о произношения широкими слоями болгарского народа.

Поэтому вполне своевременна и закономерна в ходе нынешней дискуссии постановка вопроса о путях устранения обоих отмеченных недостатков. Правда, вопрос этот не такой простой, как может показаться на первый взгляд.

Дело в том, что употребление букв *а* и *я* в звуковом значении *ъ* и *ь* («*јъ*») возникло и закрепилось в болгарской графике не случайно. Оно явилось неизбежным логическим следствием того факта, что старая болгарская орфография упрямо сохраняла чисто традиционное употребление букв *ъ* и *ь* на конце слова после согласных, т. е. так называемых «немых», не произносившихся *ъ* и *ь*. Именно существование, вплоть до 1945 г., «немых» *ъ* и *ь*, обязательных на конце всех слов, оканчивающихся на согласный, вело к практической невозможности использовать букв *ъ* и *ь* для обозначения фонемы *ъ* в конечном положении¹. Это и приводило к тому, что *з в у ч а щ и й* конечный *ъ* обозначался буквами *а* или *я* (после мягкого согласного), а раньше также буквой *х* (в формах типа *четъ* до 1899 г., в глаголе *съ* до 1945 г.) и буквой *ж* (в формах типа *въръъ* до 1899 г., когда буква *ж* была отменена).

По аналогии с написаниями в конечном положении те же способы обозначения фонемы *ъ* были применены и в некоторых других случаях, близких морфологически: по аналогии с написанием 1 л. ед. ч. *чета*, *вървя* (с 1899 г.) стали писать в 3 л. мн. ч. (тогда же) *четатъ*, *вървятъ*, по аналогии с написанием краткой членной формы в *деня* стали писать в полной форме *денят* (с 1945 г.).

С 1945 г. традиционные «немые» *ъ* и *ь* были упразднены. Однако привычка не *ч и т а т ь* эти две буквы, когда они стоят на конце слова, еще остается у всех грамотных болгар как известная инерция прошлого. Поэтому пока не получили массовой поддержки предложения, выдвигавшиеся рядом участников дискуссии, — писать *съ*, *четъ*, *из градъ* (а также *четът* и т. п.). Не получили широкой поддержки и предложения восстановить букву *ь* в ее значении гласной буквы и писать *спьт*, *спьтъ*, *вървь*, *деньт*, *денът* (а также в неударном положении — *конь*, *коньтъ*)².

Конечно, в принципе единое обозначение с помощью буквы *ь* всякого, в том числе и конечного *ъ* после твердых согласных и введение буквы *ь* для обозначения всякого *ъ* после мягких согласных было бы, пожалуй, самым лучшим выходом из положения³. Но в настоящий момент использовать этот выход было бы крайне нецелесообразно. И дело здесь не только в том, что в Болгарии все грамотные поколения, кроме самого молодого, отчетливо помнят недавнюю пору «немых» *ъ* и *ь*, — само по себе это препятствие было бы преодолимо. Дело в том, что, закрепившись, новый навык — навык *ч и т а т ь* конечные *ъ* и *ь*, воспринимать их в звуковом значении — стал бы серьезной помехой в использовании народом всей литературы, напечатанной до 1945 г., что справедливо отметил в своем

¹ Имеется, правда, исключение: наречие *аслъ* — «в самом деле», «конечно» (турецкого происхождения), которое так и пишется *аслъ* (до 1945 г. обыкновенно *аслж*, но уже в «Орфографическом и этимологическом словаре» Ст. Младенова 1941 г. дано и написание *аслъ*). Но это совсем особый случай. Возможность написания *аслъ* гарантируется не только отсутствием в болгарском языке слова **асл*, но, более того, фонетической невозможностью подобного слова: слог типа гласный + шумный + плавный нетерпимы в болгарском языке, а слоговое *л* встречается лишь в некоторых говорах.

² См. выступления Д. Осинина, Г. Цанева («Литературен фронт», бр. 43, стр. 7), З. Еникова (там же, бр. 44, стр. 2), статью В. Василева (там же, бр. 59, стр. 3) и др.

³ Надо было бы только, вероятно, «освободить» букву *ь* от ее функции знака мягкости согласного в положении перед *о*, т. е. заменить написание типа *актьор*, *пеньо* какими-нибудь другими (например, написаниями *актёр*, *пенё* по образцу русской графики или, может быть, *актйор*, *пенйо*, как предлагали некоторые участники дискуссии).

докладе Л. Андрейчин¹. Сейчас отказываться от всего этого богатства значило бы отказываться от культурного наследия прошлого; это было бы глубоко ошибочно и неправильно. Со временем, когда вся классическая литература будет многократно переиздана достаточными тиражами, когда обращение к книгам, напечатанным по старой орфографии, станет делом по преимуществу специалистов-историков, можно будет снова вернуться к этому предложению. Пока же необходимо найти другой выход.

В истории болгарской графики и орфографии известны попытки (уже упомянутые выше) использовать для обозначения конечного *ъ* букву *ж* (после мягких согласных — букву *ѣ*). Иногда это сочеталось с распространением данного способа обозначения на все случаи звука *ъ*, в любом положении в слове². В ходе нынешней дискуссии лишь очень немногие, в той или иной форме, выдвигали аналогичные проекты³. Они не были поддержаны большинством выступавших, что вполне понятно. Буква *ж*, отмененная реформой 1945 г., а тем более буква *ѣ*, отмененная еще в 1899 г., чересчур сложны по начертанию и потому неудобны при быстром письме от руки, поэтому их восстановление для обозначения *ъ* в любом положении в слове было бы очень неэкономно. Их восстановление только для обозначения конечного *ъ* и введение, например, написаний *четѣ* — *четѣтъ*, *градѣ* — *градѣтъ*, *вървѣ* — *вървѣтъ*, *стоѣ* — *стоѣтъ* не дало бы вполне удовлетворительного решения вопроса. Как стали бы обозначать в этом случае формы *стоѣтъ*, *вървѣтъ*, *денѣтъ*? Если *стоятъ*, *вървѣтъ*, *денѣтъ*, то несовершенство нынешней графики было бы по существу сохранено; если *стоѣтъ*, *вървѣтъ*, то был бы нарушен параллелизм с *четѣ* — *четѣтъ*, *градѣ* — *градѣтъ*; если *стоѣтъ*, *вървѣтъ*, *денѣтъ*, то это означало бы введение еще одного способа обозначения для того же самого звука. Таким образом, и данный проект должен быть признан неприемлемым.

Наконец, некоторыми выдвигалась идея введения для рассмотренных случаев каких-либо диакритических знаков. В истории болгарской письменности известна попытка использования диакритических знаков для отграничения фонемы *ъ* от фонемы *а*. Так, автор первого болгарского букваря, изданного в 1824 г., П. Берович (Берон) обозначал *ъ* под ударением постановкой специального значка над буквами *а* и *А* (=позднейшему *я*), например; *мажѣъ*, *мажѣтъ*, *дѣлаѣъ*, *збѣрка*, *дѣрѣѣа*, *бѣраА*, *дѣлаА*, *кѣраА* и т. п. Сейчас аналогичное предложение выдвинул, по крайней мере для формы *сѣ*, академик Романски (он предлагал ввести написание *сѣ̇*)⁴. Однако подобные проекты также не встретили широкой поддержки.

Если уж вводить диакритические значки, то целесообразнее было бы ставить их над буквами *ъ* и *ь* на конце слова, т. е. писать, например, *четѣ̇*, *вървѣ̇*, *сѣ̇*, *градѣ̇*, *денѣ̇* или с каким-нибудь другим значком (но можно было бы не ставить этого значка в формах с конечным согласным типа *четѣтъ*, *вървѣтъ*, *градѣтъ*, *денѣтъ*). Смещение с «немыми» *ъ* и *ь* в книгах, напечатанных по старой орфографии, было бы при подобном написании невозможно, а со временем, по мере постепенного забывания старой орфографии, диакритический знак над *ъ* и *ь* мог бы быть и опущен.

Так или иначе дальнейшее сохранение нынешнего порядка обозначения фонемы *ъ* в глагольных окончаниях и в членных формах невозможно. Порядок этот должен быть изменен. Об этом говорили и писали многие

¹ Основные проблемы, стр. 13.

² Такова, например, была в XIX в. орфография Ив. Богорова, в XX в. — орфография Ст. Омарчевского, официально принятая в 1921—1923 гг.

³ См., например, выступления Ст. Младенова и Дм. Полянова («Литературен фронт», бр. 43, стр. 7).

⁴ Там же, стр. 6.

участники дискуссии. Это подчеркнул в своем заключительном слове и академик Т. Павлов, который сказал: «...Необходимо самым серьезным образом обдумать этот вопрос и найти нужные графические возможности для замены буквы а буквой ъ в глагольных формах *са*, *могат* и других подобных, а также и в ряде существительных и прилагательных...»¹

Приведенный в этой цитате пример (*могат*) и упоминание о прилагательных ясно показывают, что Т. Павлов, в полном соответствии с морфологическим принципом болгарской орфографии (и с фонетикой тех говоров, которые не знают сильной редукции), считает необходимым охватить наметаемой реформой и случаи неударного ъ.

Можно надеяться, что нынешняя комиссия учтет настойчивые пожелания общественности и существенный недостаток последней орфографической реформы будет, наконец, исправлен.

Из других орфографических вопросов, поднятых в ходе дискуссии, отметим предложение, на наш взгляд правильное, фонетизировать написание суффикса -идба и писать *женидба*, *косидба*, *беридба* вместо современных написаний *женимба*, *косимба* и т. д.²; ряд предложений, касающихся упорядочения слитного и раздельного написания слов и употребления прописных букв. Много внимания было уделено в выступлениях также вопросам упорядочения болгарской пунктуации, особенно употреблению запятой.

Подводя общий итог всему сказанному, отметим, что хотя дискуссия по вопросам нормализации болгарского литературного языка и его орфографии еще не закончена, уже сейчас вполне очевидна громадная польза, которую она принесла в деле успешного решения поставленных перед нею задач. Не может быть сомнений в том, что болгарская общественность, вооруженная гениальным учением И. В. Сталина, сумеет найти правильные ответы на все спорные или неясные вопросы языковой нормализации, сумеет найти верный путь к дальнейшему плодотворному развитию и совершенствованию болгарского литературного языка.

¹ «Литературен фронт», бр. 46, стр. 3.

² См. Л. Андрейчин. Основные проблемы, стр. 19. Слово *сватба* (произносится *свѣдба*) должно сохранить при этом свое нынешнее написание, так как т здесь относится к корню (ср., например, *сватосвам се*).

ДИССЕРТАЦИИ

И. К. Бунина

ГОВОР ОЛЬШАНСКИХ БОЛГАР

Работа представляет собой монографическое описание говора ольшанских болгар. Говор этот распространен на территории Ольшанского района Одесской области УССР, где находится несколько сел с болгарским населением общей численностью около 8000 чел. Центр этого района с. Ольшанка — самое старинное из существующих в наше время болгарских поселений на территории УССР.

Сюда, спасаясь от турецкого произвола, переселилось в 1774 г. около 400 болгарских семейств, до того проживавших в с. Алфатар близ г. Силистрия (территория бывшей Мизии). Таким образом, территориально ольшанский говор был в прошлом связан с так называемыми мизийскими северо-восточными говорами. Кроме того, были, очевидно, у этих поселенцев связи с южнобалканскими говорами. По сообщению Л. Милетича, в с. Алфатар проживало много переселенцев с Балкан, в частности представителей сливенского говора, и есть основания полагать, что среди болгар, поселившихся в Ольшанке, находились и сливенцы.

Поэтому изучение ольшанского говора обязывает нас обратиться к северо-восточным и южнобалканским говорам. Другие, чисто лингвистические данные, о которых мы будем говорить ниже, делают необходимым привлечь для сравнения материалы по еркецким, тетевенским, южнофракийским и родопским говорам.

1

Болгарские народные говоры, в том числе и те, которые легли в основу болгарского литературного языка, до сих пор изучены недостаточно. Существующие немногочисленные исследования, посвященные местным диалектам, страдают, во-первых, неполнотой фактического материала, во-вторых, построены чаще всего на ошибочной методологической основе. До сих пор остается открытым вопрос о классификации болгарских, в частности северо-восточных, говоров, легших в основу литературного болгарского языка. Имеющиеся классификации построены на недостаточном фактическом материале и требуют критической проверки.

Изучение болгарских говоров, довольно полно представленных на территории Советского Союза, даст существенный вклад в болгарскую диалектологию. Работа советских болгароведов в этом направлении уже началась, и изучение говора ольшанских болгар, определение его исконной диалектной принадлежности дает новый интересный материал для общей характеристики восточноболгарских говоров и дополнительные факты, подтверждающие ошибочность классификации, предложенной Л. Милетичем

Наряду с этим изучение говора ольшанских болгар представляет и большой самостоятельный теоретический интерес. Со времени переселения предков нынешних ольшанских болгар в Россию и до настоящего времени этот говор развивался совершенно независимо от других болгарских говоров и от болгарского литературного языка. Существенное значение для развития говора приобрело в этот период влияние русского и украинского языков. Всестороннее изучение современного состояния говора ольшанских болгар дает интересный фактический материал для важной теоретической проблемы — скрещивания нескольких различных, хотя и родственных языков.

И. В. Сталин в своем классическом труде «Марксизм и вопросы языкознания» дал новую, гениальную постановку и решение этой важной проблемы общего языкознания, опровергнув механистические взгляды на этот вопрос Н. Я. Марра и его «учеников», говоривших об образовании при скрещивании новых языков путем взрыва.

«Скрещивание языков. — пишет И. В. Сталин, — нельзя рассматривать, как единственный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи.

Далее. Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещённых языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно своё качество и постепенно отмирает»¹.

Почти 180 лет численно небольшая группа носителей ольшанского говора жила в среде другого национального языка. В отношениях экономическом, политическом, военном, административном, наконец, даже культурном эта группа была связана с населением, говорящим на русском и украинском языках.

Какие изменения произошли за этот срок в исконном болгарском говоре этой группы, в каком направлении развивался этот говор и сохранил ли он свою первоначальную болгарскую специфику в отношении основного словарного фонда и грамматического строя, можно ли в настоящее время рассматривать этот говор как самостоятельную языковую систему — таков второй круг вопросов, решаемых в данной работе.

И. В. Сталин указывает, что вопрос о скрещивании языков по-разному стоит в эпоху капитализма, «...д о п о б е д ы с о ц и а л и з м а в м и р о в о м м а с ш т а б е, к о г д а э к с п л у а т а т о р с к и е к л а с с ы я в л я ю т с я г о с п о д с т в у ю щ е й с и л о й в м и р е, к о г д а н а ц и о н а л ь н ы й и к о л о н и а л ь н ы й г н ё т о с т а ё т с я в с и л е, к о г д а н а ц и о н а л ь н а я о б о с о б л е н н о с т ь и в з а и м н о е н е д о в е р и е н а ц и й з а к р е ш л е н ы г о с у д а р с т в е н н ы м и р а з л и ч и я м и, к о г д а н е т е щ ё н а ц и о н а л ь н о г о р а в н о п р а в и я, к о г д а с к р е щ и в а н и е я з ы к о в п р о и с х о д и т в п о р я д к е б о р ь б ы з а г о с п о д с т в о о д н о г о и з я з ы к о в, к о г д а н е т е щ ё у с л о в и й д л я м и р н о г о и д р у ж е с т в е н н о г о с о т р у д н и ч е с т в а н а ц и й и я з ы к о в, к о г д а н а о ч е р е д и с т о и т н е с о т р у д н и ч е с т в о и в з а и м н о е о б о г а щ е н и е я з ы к о в, а а с с и м и л я ц и я o д н и х и п о б е д а д р у г и х я з ы к о в»², — и в эпоху «...п о с л е п о б е д ы с о ц и а

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 29—30.

² Там же, стр. 52—53.

и з м а во всемирном масштабе, когда мирового империализма не будет уже в наличии, эксплуататорские классы будут низвергнуты, национальный и колониальный гнёт будет ликвидирован, национальная обособленность и взаимное недоверие наций будут заменены взаимным доверием и сближением наций, национальное равноправие будет претворено в жизнь, политика подавления и ассимиляции языков будет ликвидирована, сотрудничество наций будет налажено, а национальные языки будут иметь возможность свободно обогащать друг друга в порядке сотрудничества¹.

В нашей стране уже созданы условия свободного и равноправного развития наций, о которых пишет И. В. Сталин, характеризуя эпоху после победы социализма во всемирном масштабе. Национальные языки в нашей стране получили возможность свободного развития и взаимного обогащения в порядке сотрудничества. Это, разумеется, не могло не отразиться и на развитии говора ольшанских болгар. За годы советской власти словарный состав говора обогатился большим запасом новых слов и выражений, прежде всего в области общественно-политической, производственной и культурной лексики, отражающей новые, социалистические условия жизни народов нашей страны.

Конечно, за такой короткий, с точки зрения истории языка, срок структура языка не могла существенно измениться. Однако для решения поставленных нами вопросов важно выяснить, на какой языковой базе происходило возникновение новых слов и выражений в говоре ольшанских болгар и какой грамматической системе подчиняются эти новые слова и выражения.

2

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и приложения. Во введении дана постановка основных вопросов, решаемых в работе, охарактеризован материал и приемы исследования, рассмотрена литература, имеющаяся по данной теме. Первая глава посвящена лексическому составу говора, вторая — звуковому составу, третья — морфологии; в приложении дан составленный нами словарь ольшанского говора и тексты, записанные во время обследования говора.

И. В. Сталин учит нас, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»². В соответствии с этим сталинским положением мы рассматриваем систему говора ольшанских болгар в неразрывной связи с историей носителей этого говора, учитывая конкретно-исторические обстоятельства и особенности их быта, трудовой деятельности, социальных отношений и т. п.

Всю совокупность собранных нами лексических, фонетических, морфологических и прочих фактов мы рассматриваем не изолированно, а во взаимосвязи, как определенную языковую систему, не смешивая их современного употребления в говоре с их историей.

Разумеется, в своей работе мы вовсе не отказывались от сопоставления тех или иных явлений, замеченных нами в говоре, с фактами литературного языка, а также от привлечения данных из истории болгарского языка там, где в этом была необходимость. Но эти отдельные сопоставления и исторические экскурсы служат у нас одной общей задаче — вскрыть

¹ Там же, стр. 53.

² Там же, стр. 22.

грамматическую структуру и словарный состав современного говора ольшанских болгар.

Таким образом, первый принцип, положенный в основу нашего описания, — четкое разграничение фактов и явлений современной системы говора и исторических фактов.

Другой методологический принцип представляет собой четкое и последовательное разграничение фонетических и морфологических явлений.

Работа в части, касающейся самого ольшанского говора, построена в основном на наблюдениях и записях автора, собранных во время диалектологических экспедиций летом 1949 и 1950 гг. Использована также единственная работа по ольшанскому говору — статья проф. С. Б. Бернштейна «Болгарские говоры Украины» («Ольшанский район»)¹, в которой дано краткое описание фонетических особенностей говора. Для сравнительного анализа используется весь опубликованный материал по интересующим нас болгарским говорам Болгарии и Советского Союза.

3

Первая глава состоит из трех вводных и четвертого основного разделов. В первом разделе рассматриваются положения учения И. В. Сталина об основном словарном фонде языка и устанавливаются важнейшие задачи главы: определить соотношение трех лексических пластов — болгарского, русского и украинского — в основном словарном фонде и выяснить диалектные связи говора ольшанских болгар путем сравнительного анализа болгарского пласта в говоре с лексикой других болгарских говоров.

Второй раздел содержит обзор опубликованных материалов по лексике болгарских говоров. Общий недостаток большинства этих работ — преимущественное внимание к специфическим элементам лексики в работах, посвященных отдельным говорам, и отсутствие указаний на диалектную принадлежность слов в словарях — ограничивают возможности нашего сравнительного анализа.

В третьем разделе устанавливаются приемы определения языковой принадлежности лексического материала.

В четвертом разделе дается описание и сравнительный анализ словарного состава говора, определяется национальная специфика его основного словарного фонда.

Собранный нами лексический материал рассматривается тематически: 1) слова, касающиеся явлений природы, непосредственно окружающей и наблюдаемой человеком, и самого человека как представителя животного мира органической природы; 2) бытовая лексика; 3) производственная лексика; 4) общественно-политическая лексика. Такое рассмотрение позволяет сразу обнаружить, в каких разделах словаря ольшанских болгар произошли наибольшие изменения за годы их жизни в России, и дает цельную общую картину словарного состава говора.

Анализ лексики показывает, что в отношении словарного состава этот говор в основном сохранил болгарскую специфику до настоящего времени. Несмотря на значительное обогащение лексики заимствованиями из русского и украинского языков, болгарские слова составляют и теперь самый значительный пласт как всего словарного состава, так и основного словарного фонда говора. Болгарская лексика безраздельно господствует в такой области, как обозначение предметов, процессов и явлений природы, основных функций человеческого организма, основных и постоянных повседневных действий.

¹ «Наукові записки Одеського державного пед. ін-та», т. 1, Одесса, 1939.

Болгарские слова составляют и большую часть очень богатой и развитой бытовой лексики говора. Хотя далеко не вся она входит в основной словарный фонд, однако бесспорно, что значительная часть ее, например слова, выражающие родовые понятия жилища, утвари, одежды, названия лиц по семейному положению и т. п., принадлежит к основному словарному фонду.

Наконец, болгарские слова составляют значительную часть производственной лексики, причем, несмотря на наличие существенных изменений в этой области словаря, многие болгарские слова — названия основных видов сельскохозяйственных культур, домашних животных, птиц, некоторых видов сельскохозяйственных работ и процессов труда, продуктов и даже орудий труда — сохранились в основном словарном фонде.

Сравнение болгарского пласта лексики ольшанского говора с данными лексики болгарских говоров Болгарии и Советского Союза показывает, что по лексическому составу ольшанский говор не примыкает целиком ни к одному из обследованных говоров, хотя с каждым из них у него имеется большее или меньшее количество общих слов. При этом обнаруживается известное своеобразие ольшанского говора в отношении болгарской лексики. Ряд зарегистрированных нами слов или вовсе не известен в других болгарских говорах и литературном языке или имеет своеобразное значение. Например, *стблчи*, *галаб'а*, *чукен'*; *стиблб*, *чардак*, *раца*, *буца*, *пакета*, *кас*, *штени*, *чардаф*, *писмед'а*, *л'ал'а*, *кукони*, *мака* и др.

Сопоставление с лексикой еркечских говоров дало очень незначительные результаты; следует, однако, учитывать, что лексика этих говоров почти не обследована.

Сопоставление с тевенскими говорами, словарный состав которых обследован гораздо лучше, не обнаруживает сколько-нибудь значительного лексического сходства.

Гораздо больше общего в лексике у ольшанских болгар с шуменским диалектом и фракийскими говорами. Однако по сравнению со всей массой словарного состава процент общих слов оказывается таким незначительным, что определить говор ольшанских болгар как шуменский или как фракийский только по этим данным невозможно. Так, из 1400 слов, вошедших в словарь, насчитывающем немногим более 1200 слов, мы обнаружили до 150 слов, зарегистрированных нами в ольшанском говоре. В действительности общих слов имеется гораздо больше, так как в словарь с. Твардица составительница включила только те слова, которые характеризуют лексическую специфику говора.

Большое лексическое сходство, несомненно, имеется между ольшанским говором и сливенским. К сожалению, нет никаких данных о лексике сливенских говоров, кроме словаря с. Твардица Молдавской ССР, составленного Т. В. Швецовою и в настоящее время готовящегося к печати. В этом словаре, насчитывающем немногим более 1200 слов, мы обнаружили до 150 слов, зарегистрированных нами в ольшанском говоре. В действительности общих слов имеется гораздо больше, так как в словарь с. Твардица составительница включила только те слова, которые характеризуют лексическую специфику говора.

Однако наряду с несомненным сходством имеются и существенные различия в словарном составе ольшанского говора и говора твардичан.

¹ В книге «Бит и език на тракийските и малоазийските българи от проф. д-р Ст. Младенов, Хр. Кодов и Хр. Вакарелски», ч. II — «Език», София, 1936.

Многие общие слова имеют в этих говорах разное значение. Например, слово *огніште* в ольшанском говоре означает шесток, у твардичан — шод, слово *паџар* — шкалик и глиняную миску, *плет* — каменный забор и плетень и т. д. Кроме того, многие предметы, понятия и явления обозначаются в этих говорах разными словами, и таких несовпадающих слов в несколько раз больше, чем слов совпадающих.

Анализ лексики показывает также, что наряду с сохранением значительной части исконных болгарских слов в словарном составе говора произошли существенные изменения, коснувшиеся отчасти и основного словарного фонда.

Значительные изменения в жизни и быту ольшанских болгар, происшедшие со времени их переселения в Россию, особенно после Великой Октябрьской социалистической революции, изменения в социальных и политических отношениях, в содержании и организации трудовых процессов, смена орудий труда, развитие социалистической культуры — все это привело, с одной стороны, к значительному пополнению словаря ольшанских болгар новыми словами, с другой — к выпадению из словаря части устаревших слов и выражений, к переходу другой части старых слов и выражений из основного словарного фонда в периферийные сферы словаря.

Большие изменения и сдвиги произошли в бытовой лексике. Полностью ушла из основного словарного фонда и, видимо, в какой-то степени совсем утратилась старая обрядовая лексика. Из этой группы в основном словарном фонде сохранились лишь такие слова, которые имели значение и употребление за пределами обрядовой терминологии. Например: *в'анець*, *сва́дба*, *згуд'анік*, *згуд'аніца* и т. п.

По мере роста материального благосостояния и изменения бытовых условий у ольшанских болгар появляются новые предметы обихода — одежды, мебели, утвари и т. п. Вместе с этими предметами заимствуются и их русские или украинские названия (*стул*, *палто*, *плат'а* и др.), а одновременно из говора постепенно исчезают названия старинных предметов, вышедших из употребления (*абічка*, *царул'а*, *рбкл'а* и т. п.).

Еще больше пополнилась производственная лексика. Социалистическая организация труда, механизация сельского хозяйства, внедрение научных методов в земледелие и животноводство и т. д. привели к появлению большого количества новых слов, причем разница между новым и старым была так велика, что часто какой-нибудь вид сельскохозяйственной работы, которую теперь делают при помощи машин, ольшанские болгары называют по-новому. Например *машинџка* вм. *мулуд'бй*. Наряду с этим изменились названия многих сельскохозяйственных продуктов, появились названия новых специальностей, должностей и т. п.

Наконец, именно за время пребывания в России в ольшанском говоре выработалась развитая общественно-политическая терминология, которой раньше вообще почти не было. Особенно интенсивно она развивалась за годы советской власти. Многие из этих слов, бесспорно, вошли в основной словарный фонд говора. Например: *гусударству*, *шкџла*, *кніга*, *партіія*, *пур'адук* и др.

Изменения, происходившие в словарном составе ольшанского говора, подобны изменениям в говорах русского языка за эти же годы. Принципиальное различие заключалось в том, что словарный состав русских говоров пополнялся в тех же направлениях за счет общенационального русского языка, тогда как говор ольшанских болгар пополнял и развивал свой словарный запас не за счет общенационального болгарского языка, а за счет лексики других, родственных ему языков — русского и украин-

ского. В громадном большинстве случаев эти заимствования были вызваны насущной потребностью обозначить явление или совершенно новое для ольшанских болгар, или значительно отличавшееся какими-то качествами от явления, им знакомого. Таким образом, эти заимствования существенно пополняли, обогащали говор ольшанских болгар, делали его более гибким и выразительным.

Однако наряду с этими необходимыми пополнениями в говоре ольшанских болгар имеются заимствования другого рода. В некоторых, правда, не очень многочисленных случаях наличие русских и украинских дублетов к болгарским словам не может быть объяснено наличием какой-нибудь разницы в предметах, которые обозначаются этими дублетными формами. Так, лес ольшанские болгары называют то болгарским словом *гуря*, то украинским *лисѡк*, ручей — *прої* и *тичиї* и т. д.

Эти примеры свидетельствуют о влиянии украинского и русского языков на лексику ольшанского говора, о том, что происходит частично вытеснение исконной болгарской лексики заимствованными словами.

Это подтверждается и тем, что в ряде случаев в ольшанском говоре предметы и явления, которые были явно хорошо известны болгарам еще до переселения в Россию и, конечно, обозначались какими-то болгарскими словами, теперь называются у ольшанских болгар русскими или украинскими словами, тогда как болгарских слов для этих предметов у них нет. Например: *бѡзиру*, *вѡпас*, *мурѡс*, *пучѡда*, *завир'ѹга*, *дун*, *салавѣт*, *видмѣт*, названия месяцев и т. д.

Однако явление это затронуло такие незначительные слои основного словарного фонда ольшанского говора, что в настоящее время говорить о вытеснении болгарской лексики говора нет оснований.

4

Вторая глава состоит из вступления и двух разделов. Основные задачи главы: дать описание современной системы звуков говора с физиолого-акустической и функциональной стороны и проследить историю звуков и частоту употребления отдельных фонем в ольшанском говоре.

Анализ звуковой системы показывает, что в отношении фонетики ольшанский говор в целом сохранил свою первоначальную диалектную специфику. Русские и украинские слова, усвоенные ольшанскими болгарскими, произносятся в соответствии с звуковой системой их говора.

Сохраняя в заимствованных словах те звуковые особенности, которые не противоречат их собственной фонетической системе, например г — взрывное в русских словах (*грѹпа*, *газѣта* и др.) и ɣ — фарингальное в украинских (*баѹнѡ*, *ярѹѡния*, *винуѹрат* и др.), «аканье» в русских словах (*финадѣл*, *савиш'и'ѡния* и др.) и т. д., они изменяют огласовку заимствованных слов там, где она противоречит звуковой системе говора. Например, на месте о — безударного в украинских словах и в русских словах, заимствованных через печать, произносится у (*распур'ѡдук*, *кумѡнда*, *кулунѡст'а*, *кун'ѡка*, *ланкуѡв* и др.); на месте сочетания ст в конце заимствованных слов произносится с (*пѡис*, *ѡблас* и др.). Твердые шипящие в заимствованных словах последовательно заменяются мягкими (*ш'ѹба*, *ж'изн'* и др.).

Наряду с этим имеются отдельные факты усвоения звуков русского и украинского языков ольшанскими болгарскими. Например, влиянием русского и украинского языков объясняется наличие в ольшанском говоре звуков *ш'ш'* и *ш'ч'*; однако употребление этих звуков ограничено исключительно заимствованными словами, в болгарских словах соответственно

употребляется сочетание *шт* (*кашта*, *штѣни*, но *завѣдуш'ш'а*, *л'адѣичи* и др.). Очевидно, влиянием украинского языка следует объяснить встречающееся у некоторых носителей ольшанского говора употребление в отдельных болгарских словах звука *γ* — гортанного на месте *г* — взрывного (например, наряду с формами *глѣда*, *грукѣ*, *гукѣят* встречаются формы *γлѣда*, *γрукѣ*, *γукѣят* и т. д.), тогда как исконно этот звук в ольшанском говоре употреблялся только на месте звука *х*.

По своему звуковому составу ольшанский говор отличается необычайным своеобразием среди всех болгарских говоров Советского Союза. Хотя в отношении произношения членной формы мужского рода единственного числа (*-о/у*) он и объединяется с шуменскими говорами, но ряд других существенных признаков резко отличает его от этой группы. Особенно своеобразна система гласных фонем.

Самой характерной фонетической особенностью ольшанского говора является звук *ä* (открытое широкое *е*), который произносится под ударением на месте исторических *ѣ* и *ѡ*.

Звук *ä* в этом положении встречается еще только в одном болгарском говоре на территории Украины — в с. Терновке Мелитопольского района Запорожской области. Но болгары этого села являются переселенцами из г. Видина (Западная Болгария) и говорят не на восточном, а на западном болгарском диалекте.

На территории самой восточной Болгарии звук *ä* на месте староболгарских *ѣ* и *ѡ* встречается в еркечских и тетевенских говорах. Однако другие общие черты в системе гласных фонем ольшанского говора с тетевенскими и еркечскими незначительны. Можно отметить некоторое сходство в судьбе староболгарского звука *ѣ* в ольшанском и тетевенском говорах: под ударением перед твердым согласным на месте старого *ѣ* находим звук *а*, перед мягким — *е* с предшествующей мягкостью, однако в последнем открытом слоге под ударением в ольшанском говоре всегда наблюдается *а*, в тетевенском — *е*, а судьба звука *ѣ* в безударных слогах в этих говорах различна. Больше сходства в отношении судьбы звука *ѣ* у ольшанского говора с сливенскими, особенно с говором с. Кирютня Конгазского района Молдавской ССР. В обоих говорах в безударных слогах на месте *ѣ* встречается то *и*, то *'а*, в зависимости от индивидуального произношения, под ударением — *а* перед твердым согласным, *е* — перед мягким. Однако в последнем открытом слоге у всех носителей ольшанского говора, независимо от ударения, всегда будет звук *'а*, в говоре с. Кирютня — то *'а*, то *и*, в зависимости от грамматических форм. Одинакова в говорах судьба *о* (сохраняется под ударением, переходит в *у* в безударном положении) и *е* (сохраняется под ударением, редуцируется в безударном положении, переходя в *и* или *е*, а в отдельных случаях в *'а*). На месте староболгарского звука *Ѧ* в обоих говорах под ударением произносится *е*, без ударения обычно — *и*, в винительном падеже местоимения 1 и 2-го л. ед. ч. наблюдается только *'а*: *мѣн'а*, *тѣб'а*. Однако в ольшанском говоре наблюдаются ринезмы в словах *пиндисѣ* и *дивиндисѣ*. (Ринезмы наблюдаются и в шуменских говорах, но в целом там судьба звука *Ѧ* отлична от ольшанского говора.) Для обоих говоров характерна лабилизация звука *и* после шипящих, независимо от ударения (*жуѡ* — *жуѡѣят*). Однако для ольшанского говора характерна иотация ударного *и* в начале слова, как и во фракийских говорах, чего нет в сливенском. В ольшанском говоре, как и во фракийском, на месте звука *а* под ударением после шипящих и *ѣ* находим иногда звук *е* с последующей мягкостью согласного, в сливенских говорах этот переход наблюдается после всех мягких согласных.

Меньшее своеобразие наблюдается в системе согласных звуков ольшанского говора. Самой характерной чертой является употребление звука γ на месте звука x ; в начале слова x сохраняется в немногих словах: *хубаф*, *хил'ада*, *хитар*, а также в заимствованных словах. Звук γ — фарингальное наблюдается и в некоторых сливенских говорах (например, в говоре с. Кирютня), но там он возникает на месте звуков x и s в положении между гласными перед плавными и гласными, а также иногда в начале слова. Другая характерная черта — наличие аффрикат *дж* и *дз*, отмечаемых также в сливенских, некоторых фракийских (на территории СССР) и тетевенских говорах. Мягкость конечных согласных звуков в ольшанском говоре сохраняется непоследовательно (например, *кон'*, *сол'*, но *ден*), что отмечается также в сливенских и фракийских говорах. Наконец, звук *д* в сочетании с сонорным *н* подвергается иногда ассимиляции (*инес*, *гланна*, *ни*, но *прэдни*, *жэдни* и т. д.); это явление с большой последовательностью отмечается в сливенских говорах, а также зарегистрировано в шуменских и фракийских говорах.

Таким образом, в отношении звукового строя ольшанский говор не совпадает ни с одним известным болгарским говором как на территории Советского Союза, так и в самой Болгарии. По большинству классификационных фонетических признаков он приближается к балканским говорам сливенского типа, но наряду с этим в нем имеются черты и южных говоров и северо-восточных (шуменских, северобалканских).

5

В третьей главе дается анализ образования и употребления всех частей речи: имен существительных, предлогов, прилагательных, числительных, местоимений, глаголов, наречий, вводных слов, союзов и частиц.

В отношении морфологического строя ольшанский говор полностью сохранил болгарскую специфику. Как и во всех говорах болгарского языка, в ольшанском говоре отсутствует система именного склонения, падежные отношения выражаются при помощи системы предлогов, имеются членные и нечленные формы имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений. Местоимения образуют краткие и полные формы. От всех знаменательных частей речи возможно образование степеней сравнения. Система глагола характеризуется сохранением простых и сложных форм прошедшего времени и т. д.

Ни в образовании, ни в употреблении грамматических форм не обнаруживается влияния грамматического строя русского или украинского языка. Многочисленные слова, заимствованные ольшанцами из этих языков, целиком подчиняются грамматическому строю говора: от русских и украинских глаголов образуются формы аориста, имперфекта, перфекта и т. д., заимствованные имена существительные и прилагательные перестают склоняться, от них образуются членные и нечленные формы, от слов, обозначающих лицо, образуется звательная форма и т. д. Единственным исключением является сохранение в отдельных, очень немногочисленных случаях падежных окончаний от некоторых заимствованных имен существительных (например, *притсидатил'* *кулхба* и др.).

Для определения диалектной принадлежности ольшанского говора анализ его морфологического строя дает очень небольшой материал, так как морфология болгарских говоров почти не изучена и до сих пор не определена локализация характерных морфологических особенностей, не найдена даже система морфологических классификационных признаков.

Морфологический строй ольшанского говора отличается своеобразием и не совпадает полностью ни с одним из обследованных говоров Болгарии и Советского Союза. Как мы уже говорили, по членной форме мужского рода ольшанский говор относится к так называемому «о-диалекту». Имена существительные женского рода с основой на а оканчиваются под ударением на *ä*, восходящее к старому звуку ж, т. е. к старой форме винительного падежа, как в шуменских, тевенских, родопских говорах. Большое распространение получила форма множественного числа на а от многосложных имен существительных мужского рода, проникающая и в окончания односложных имен существительных (*көн'а, мәжа, облу'а* и др.).

Важной морфологической особенностью ольшанского говора, роднящей его с сливенскими, является употребление личного местоимения 3-го л. в значении указательного местоимения (*дуилé ду нéя кáшта* — пришли в этот дом) и наличие форм указательного местоимения *тос, тás, туй* для обозначения близрасположенных предметов и лиц.

Характерная особенность глагола в ольшанском говоре — образование форм имперфекта от основы аориста. Эта черта не отмечалась до сих пор ни в одном болгарском говоре. В 1-м л. ед. ч. наст. вр. глаголы под ударением оканчиваются только на *ä*, восходящее, как уже отмечалось, к староболгарскому звуку ж, что характерно для мизийских и родопских говоров.

Те имена существительные среднего рода, в произношении которых по говорам наблюдаются колебания в отношении ударения, в ольшанском говоре произносятся с ударением южного типа (*брáшну, с'áну, сáрци, гáрни* и др.).

В глагольных формах — во 2-м л. ед. и мн. ч. пов. накл. и в 1-м л. ед. ч. наст. вр. — в отличие от именных форм, последовательно выдерживается северный и балканский тип ударения — на окончании (*пирá придä, направé — направéти* и др.).

* * *

Таким образом, анализ лексики, фонетики и морфологии ольшанского говора показывает, что в отношении основного словарного фонда и грамматического строя этот говор сохранил болгарскую специфику, значительно пополнив со времени переселения ольшанских болгар в Россию свой словарный состав заимствованиями из русского и украинского языков.

При сравнении с другими болгарскими говорами Советского Союза и Болгарии обнаруживается большое своеобразие ольшанского говора.

Перед нами новый, до сих пор не обследованный представитель «о-диалекта», не шуменского типа, пополняющий наше представление о мизийских говорах. Для него характерно сочетание многих особенностей южно-балканских, в частности сливенских, говоров с чертами южных и северо-восточных говоров.

Изучение ольшанского говора дает новый материал, доказывающий ошибочность классификации восточноболгарских говоров, предложенной в свое время проф. Л. Милетичем. Этот материал доказывает, что членную форму мужского рода нельзя принимать за основной признак при классификации восточноболгарских говоров и что шуменские говоры нельзя признавать характерными представителями всех мизийских говоров Болгарии.

Е. В. Немченко

ИЗ ИСТОРИИ КРАТКИХ ПРИЧАСТИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО
ЗАЛОГА В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

1

Настоящая работа посвящена исследованию конкретного вопроса истории одного из славянских языков: на материале письменных памятников чешского языка XIII—XVI вв. делается попытка определить синтаксическую роль кратких причастий действительного залога и установить причины, вызвавшие их изменение в деепричастия. Вместе с тем проделанная работа позволяет глубже, в исторической перспективе, уяснить некоторые особенности грамматического строя современного чешского языка.

Согласно учению И. В. Сталина о языке, «грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики»¹. И. В. Сталин указывает на устойчивость грамматического строя, на то, что изменения в нем происходят чрезвычайно медленно, что «он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох»².

В связи с этим большое значение приобретает историческое изучение отдельных грамматических категорий на материале того или иного конкретного языка. Особое значение для советского языкознания получает исследование языков славянских наций, так как «изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»³.

На частном примере истории образования категории деепричастий в чешском языке (а также и в других славянских языках) подтверждается правильность гениального положения И. В. Сталина, сделанного им относительно всего грамматического строя языка. Мы отмечаем, что история образования деепричастий связана с постепенным изменением синтаксической функции кратких причастий действительного залога.

Изучение подобного рода образований тем более интересно, что их формирование в основном завершается не в доисторический период, как это характерно для большей части грамматических категорий чешского языка, а в период исторический, благодаря чему мы получаем возможность

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 26.

² Там же, стр. 25—26.

³ Там же, стр. 34.

непосредственно проследить процесс формирования данной грамматической категории. Однако вопрос этот в чешском языкознании почти не изучался. Естественно, что его должны были ставить авторы обобщающих работ по исторической грамматике чешского языка. Но и в них он не получил полного освещения и правильного решения. Основной недостаток большей части работ, в которых рассматривается история кратких причастий или образования категории деепричастий, заключается, по нашему мнению, в том, что в них не учитывались те изменения значений грамматических категорий, которые не сопровождались изменением их форм.

На конкретном материале в диссертации показано, что, оставаясь в пределах одного лишь морфологического анализа, без учета в полной мере синтаксической роли кратких причастий, нельзя не только вскрыть причины перехода действительных причастий в деепричастия, но и показать процесс этого перехода.

Изучение синтаксической роли кратких причастий и их значения дало нам возможность глубже понять причину перехода их в деепричастия, тем более, что оформление последних в чешском литературном языке осталось без изменения.

Изучая историю кратких причастий в чешском языке, мы привлекаем для сравнения данные других славянских языков. Такое сравнительное изучение образования данной грамматической категории имеет большое значение для славянского языкознания, так как «языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению»¹.

В результате такого сопоставления мы получили возможность более полно оттенить специфические свойства деепричастий чешского языка в отличие от деепричастий в других славянских языках и в то же время показать те черты сходства и общую историческую основу, которая в процессе формирования категории деепричастий в отдельных славянских языках не всегда одинаково в них эволюционировала. Так, например, краткие причастия в древний период их развития во всех славянских языках различались грамматическими категориями вида, времени, рода, числа и падежа. В дальнейшем, в процессе становления категории деепричастий, в большинстве славянских языков происходит утрата части этих грамматических категорий (деепричастия сохраняют лишь категорию вида и времени). Однако в чешском литературном языке деепричастия утрачивают только категорию падежа. Остальные категории остались в качестве характерных свойств деепричастия, как они были характерны в прошлом и для кратких причастий.

2

Настоящая работа состоит из введения и трех глав. Основное внимание уделяется древнейшему периоду в истории кратких причастий, периоду становления деепричастий. Это определяется, с одной стороны, задачей установления путей развития категории деепричастий в чешском языке и, с другой — тем, что именно в XIV—XVI вв. завершается формирование деепричастий как грамматической категории.

Первая глава («Именные формы действительных причастий в древнейших памятниках чешского языка») содержит обзор и характеристику исследуемых памятников чешской письменности XIII—XIV вв. и рассмотренные функции и значения употребляемых в них кратких действительных причастий.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33—34.

Изучая язык памятников чешской письменности древнейшего периода, мы отмечаем, что краткие причастия употреблялись в них в функции сказуемого и в функции обстоятельственных слов. Употребление кратких действительных причастий в функции определения для этого периода было несвойственно. В качестве определения использовались местоименные формы действительных причастий.

В употреблении кратких причастий в функции сказуемого выделяются прежде всего те случаи, в которых краткие причастия присоединены к глагольным сказуемым с помощью союзов *i* или *a*.

Анализ показывает, что существовало строгое разграничение в их употреблении. В тех случаях, когда причастие предшествовало глаголу, ставился союз *i*; если же глагол предшествовал краткому причастию, то ставился союз *a*. Строгое разграничение в употреблении союзов *i* и *a* между двумя типами сказуемых свидетельствует не только о том, что в древнечешском языке значение этих союзов было неодинаковым, но также о том, что в нем различалось сказуемое, выраженное глаголом, и сказуемое, выраженное причастием. На анализе конкретного материала мы показываем, что причастия в данном случае выполняли роль второстепенных сказуемых.

В этом отношении наблюдается полная аналогия с употреблением кратких причастий как второстепенных сказуемых и в древнерусском языке. Однако употребление союза *i* между предикативным причастием и глагольным сказуемым в древнечешском языке существенно отличается от употребления такого же союза в древнерусском языке. По наблюдениям А. А. Потебни, которые подтверждаются также наблюдениями Е. С. Истриной, в древнерусском языке союз *и* после причастий настоящего времени обычно не употреблялся. На основании этого делались выводы относительно того, что союз *и* соединяет только последовательные действия. В древнечешском языке союз *i*, по нашим наблюдениям, мог употребляться как после причастий прошедшего времени, так и после причастий настоящего времени. Таким образом, союз *i* мог соединять как сказуемые, выражающие действия последовательные, так и сказуемые, выражающие одновременные действия.

Основываясь на конкретном материале памятников чешской письменности XIII—XIV вв., мы приходим к выводу, что в них глагольное сказуемое является главным, а сказуемое, выраженное причастием, — второстепенным. В одних случаях это определяется тем, что причастие употреблено как сказуемое в зависимой части предложения, в то время как в главной его части употреблен глагол, например: *padají mnozí kdož mají umění i nechtě k tomu tahnúti (Štitný)*. В этом предложении сказуемое *mají*, выраженное кратким причастием, определяет подлежащее *mnozí* как сказуемое зависимой части предложения. В других случаях такого прямого указания на второстепенность сказуемого, выраженного причастием, нет. Но из контекста выясняется, что причастие служит целям пояснения глагольного сказуемого, например: *(kněz) nevěda co učiniti i je se bohu modliti (Dalimilova kronika)*. В этом предложении главное действие *je se modliti* может поясняться причастием с относящимися к нему членами предложения, но не наоборот.

Из примеров, в которых причастие употребляется в качестве второстепенного сказуемого, наибольшее количество случаев таких, где причастие выступает как второстепенное сказуемое простого или сложносочиненного предложения и где оно присоединяется к глагольному сказуемому с помощью союзов *i* или *a*.

Кроме того, краткие причастия действительного залога могли также выступать в качестве именной части составного сказуемого. Глагольная связка такого сказуемого передавала значение времени действия или наклонения, само же реальное содержание действия заключало в себе причастие. Сочетания типа *byl romně* мы не можем считать одной формой глагола, как их определяют некоторые чешские ученые. Причастия, входящие в составное сказуемое этого типа, не являются неоформленной частью глагола, которая лишь в сочетании со вспомогательным глаголом, не имеющим реального значения, получает свое оформление. В таких сочетаниях причастия относительно самостоятельны и могут иметь при себе второстепенные члены предложения. Так, например, в предложении *a jaz byl co krivě súde* (из Будейовицко-музейного списка Александрейд) обстоятельство *krivě* относится не ко всему сочетанию *byl súde*, а лишь к его второй части — к причастию *súde*; к нему же относится и дополнение *co*. Кроме того, дальнейшее изменение кратких причастий в деепричастия свидетельствует также о том, что сказуемые типа *byl romně* представляют собой сочетание двух форм, а не одну неразложимую форму глагола.

В составное сказуемое, по нашим наблюдениям, входили главным образом краткие причастия настоящего времени (количество примеров с причастиями прошедшего времени совсем незначительно). При этом они могли представлять сочетания с личной формой вспомогательного глагола *býti* в настоящем времени, в имперфекте, аористе, перфекте или будущем времени, а также в форме условного или повелительного наклонения. Кроме того, в составное сказуемое могли входить также личные формы глаголов *mněti*, *zděti se*, *činiti se*, *přestati*.

Для исследуемого нами периода истории чешского языка употребление кратких причастий действительного залога в качестве именной связки составного сказуемого было сравнительно ограниченным. Анализ материалов показал, что это явление отражено главным образом в памятниках чешской письменности конца XIII в. Необходимо указать на то, что данные памятники не были связаны традицией перевода с греческого языка. Сравнимая с аналогичным употреблением кратких причастий в древнерусских памятниках (также не связанных традицией перевода) и в памятниках древнепольской письменности, мы можем предположить, что употребление кратких причастий действительного залога в функции именной части составного сказуемого было органически свойственно славянским языкам в древнейший период их развития.

Далее мы отмечаем, что немногочисленны также примеры употребления кратких причастий в качестве сказуемого придаточного предложения. Как показывает приведенный в работе материал, сказуемое придаточного предложения могло быть связано со сказуемым главного предложения посредством относительного местоимения, наречия или союза. Связь сказуемого придаточного предложения, выраженного причастием, с подлежащим главного предложения сказывалась в том, что оно согласовывалось с подлежащим в роде и числе. Во всех отмеченных нами примерах причастие выступает как слово, поясняющее действие, выраженное в сказуемом главного предложения. При этом сказуемое придаточного предложения не могло обозначать предшествования действия (по отношению к главному), в связи с чем мы не можем указать ни одного примера с причастием прошедшего времени в качестве сказуемого придаточного предложения.

Итак, в предикативном употреблении кратких причастий мы отметили, что последние могли выступать в функции второстепенного сказуемого простого или сложно-сочиненного предложения, в функции именной

части составного сказуемого и, наконец, в функции сказуемого придаточного предложения. Однако употребление кратких причастий в качестве сказуемого (уже для данного периода) представляло собой явление, идущее на убыль.

Характерным для кратких причастий действительного залога уже в древнейших памятниках чешского языка было использование их в функции обстоятельственных слов.

Период формирования деепричастий в чешском языке, как и в других славянских языках, связан с нарушением согласования кратких причастий с именем, к которому они относятся, что нашло свое отражение в чешской письменности XIV в. На конкретном материале памятников мы показываем, что причастия настоящего времени на -с в качестве обстоятельственных слов могли употребляться при подлежащем в любом числе и роде.

В заключение главы дается характеристика синтаксического значения кратких причастий, выступающих в функции обстоятельственных слов (деепричастий). Мы отмечаем, что в чешских памятниках XIV в. деепричастия настоящего времени, входящие в группу сказуемого, дополнительно характеризуют обстоятельства совершения основного, глагольного действия, могут иметь значение: а) обстоятельства образа действия, б) обстоятельства причины, в) обстоятельства цели. При этом они могли относиться к глаголам настоящего, прошедшего или будущего времени.

Деепричастия прошедшего времени, включаясь в группу сказуемого, поясняют его главным образом со стороны временных отношений, т. е. передают значение предшествования одного действия другому, выраженному в сказуемом. Например: *Ti se wrátivše do Říma, již sú žádného tam nenalezli*. В редких случаях деепричастия прошедшего времени получили значение обстоятельства причины (*zapáliv se v tom hněvu, přes moře jede*) или обстоятельства образа действия (*ač se potom i nad samým pomstil, utopiv jej*).

Вторая глава — «Краткие причастия действительного залога в памятниках чешской письменности XV—XVI вв.» — содержит характеристику исследуемых языковых явлений в памятниках письменности указанного периода и определение функции и значения употребляющихся в них кратких причастий действительного залога (в сопоставлении с предшествующим периодом).

Употребление кратких причастий в функции сказуемого в чешской письменности XV—XVI вв. постепенно начинает ограничиваться, а в 1571 г. Ян Благослав в своей грамматике замечает, что употребление в речи сочетаний *byl kaže, byv kazání čině* является недопустимым. В памятниках XV—XVI вв. мы отмечаем значительно меньше примеров с краткими причастиями в функции второстепенного сказуемого или именной части составного сказуемого, чем это было отмечено нами в более ранних памятниках. Наряду с этим в памятниках чешской письменности XV—XVI вв. наблюдается такое употребление кратких причастий действительного залога, которое было не характерным для памятников XIII—XIV вв., а именно: встречаются примеры, в которых краткие причастия включаются в группу подлежащего, но не как его определение, а как предикат. При этом предложение, включающее предикативное причастие, поясняет обстоятельства совершения действия синтаксически связанного с ним другого предложения с глагольным сказуемым; например: *skaupice oni statky při pomezí, nebudeť se jim potřeba o meze souditi*.

Таких примеров особенно много наблюдается в записи одного из северо-восточных чешских говоров конца XVI — начала XVII в.

Подобное употребление кратких причастий отмечено и в других славянских языках: в древнесербском, в древнерусском и др. Ср. в Лаврентьевском списке Летописи: *Кыевъ княжа, быша ему печали болше* (92); *выскакавъ же вси прочии из лодья, и рече Олег* (10) и др.

Рассматривая аналогичные сочетания в чешском языке, мы замечаем, что входящие в них причастные формы заключают в себе обстоятельственные признаки и тем самым приближаются по своему значению к деепричастиям, причем согласование причастия с тем именем, к которому оно относится, почти совершенно не соблюдается. Здесь необходимо указать, что между употреблением кратких причастий в чешских литературных памятниках и живой речи было значительное расхождение уже в тот ранний период истории языка, который был документально засвидетельствован. В живой чешской речи смешение форм кратких причастий было значительно более интенсивным по сравнению с языком литературным.

В этом отношении мы наблюдаем сходство с историей кратких причастий в польском, сербском, русском и других славянских языках.

Употребление деепричастий в памятниках XV—XVI вв. не имеет никаких значительных отличий от употребления их в памятниках XIV в. В данной главе более подробно рассмотрено употребление деепричастий с основой совершенного вида типа *přijda, radna*, определяемых в грамматиках чешского языка как деепричастия будущего времени. Устанавливается, что синтаксическое значение этих деепричастий состоит в обозначении дополнительного действия, предшествующего основному, выраженному в предложении глагольной формой. В связи с этим наблюдением данные формы определяются как деепричастия прошедшего, а не будущего времени (определение, введенное чешским ученым Я. Гебауэром и принятое и в настоящее время).

Третья глава — «Деепричастия в современном чешском языке» — содержит рассмотрение употребления деепричастий в говорах и литературных произведениях современного чешского языка. Здесь же рассматривается вопрос об адвербиализации деепричастий.

Употребление деепричастий в современных чешских говорах значительно отличается от употребления их в литературном языке. Прежде всего, как и в других славянских языках, в чешских говорах деепричастия употребляются значительно реже, чем в литературном языке. В большинстве чешских говоров деепричастия вообще не употребляются. Там же, где они употребляются (как показывают записи моравских говоров), они лишены грамматических категорий числа и рода и образуются лишь от основы настоящего времени.

В подавляющем большинстве случаев это формы на -а (*chca, stoja, přijda, zamkŕna* и т. д.) и иногда — формы на -с (*chtic, dava jic*).

Основная функция деепричастий в чешских говорах — это функция предикативных обстоятельственных слов.

Но наряду с таким типичным для говоров употреблением деепричастий здесь отражается и более древняя ступень в их развитии, когда они относились к имени, но имели значение сказуемого, например: *služebníci bžželê teda pro provaz a přênesa ho vzal Slawomil do kapse zvonek*. Форма деепричастия *prênesa* передает значение действия, относящегося к существительному *služebníci* и предшествующего действию, выраженному глаголом.

Кроме такой чисто предикативной функции, деепричастия, употребляемые в безличных предложениях, передают вместе с тем значение обусловленности действия, выраженного глагольным сказуемым: *zamkŕna može to tu byt*.

В современном чешском литературном языке краткие формы действительных причастий выступают только в значении предикативных обстоятельственных слов, т. е. деепричастий. При этом деепричастия в чешском литературном языке различаются грамматическими категориями вида, времени, числа и рода. Различение причастных форм по родам и числам, известное по древнечешским памятникам письменности, было узаконено для современного литературного языка И. Добровским в его грамматике 1809 г. и подтверждено последующими грамматиками Яна Гебауэра и Ф. Травничка.

В отношении употребления деепричастий следует отметить, что в литературном языке наиболее широко употребляются деепричастия настоящего времени. Образуются они от глаголов несовершенного вида, многократных или длительных, и, включаясь в группу глагольного сказуемого, выражают действие, одновременное с действием глагола. При этом, как показано в данной главе, глагол может быть употреблен в любом времени и наклонении.

Существенно отличается литературный язык от говоров в употреблении деепричастий прошедшего времени. В то время как говорам неизвестно употребление деепричастий с основой прошедшего времени типа *přišel, pověděv* и в них употребляются деепричастия с основой совершенного вида типа *přišla, pověza*, в литературном языке для обозначения действия, предшествующего глагольному действию, употребляются значительно чаще деепричастия с основой прошедшего времени. Приведенные нами примеры литературного языка с деепричастиями типа *přinesa, padna* взяты из произведений Б. Немцовой, в которых употребление данных форм определяется стремлением автора приблизиться к народному языку. В привлеченных нами произведениях других писателей — Неруды, Ванчуры, Майеровой, Ольбрахта, Чапека — мы не отметили употребления деепричастий совершенного вида типа *přišla*.

Закрепление за краткими причастиями функции предикативных обстоятельственных слов способствовало вместе с тем процессу их адвербиализации. В этом процессе, начавшемся в древний период развития чешского языка, можно наметить два направления:

1. Деепричастия, употребляясь в одной форме, лишались грамматических категорий времени, вида, числа и рода и переходили в разряд наречий. Такого типа изменения характерны для форм *leže, kleče, stoje*.
2. От деепричастий с помощью суффикса образовывались наречия (от *pláče — plácky*, от *mlče — mlčky* и др.).

Количество деепричастий, перешедших в разряд наречий, в чешском языке невелико, так как адвербиализации подверглось лишь небольшое количество деепричастий определенной категории.

Процесс образования деепричастий нужно считать законченным. Современному чешскому языку совершенно не свойственны краткие причастия действительного залога, и это обуславливает коренное отличие в употреблении одинаковых форм, которое было в языке древних чехов, от употребления их в современном языке.

Общие выводы работы следующие:

1. Наблюдения над употреблением кратких причастий действительного залога в памятниках чешской письменности XIII—XVI вв. показали, что в формировании категории деепричастий решающую роль сыграло употребление кратких причастий в функции сказуемого.
2. Предикативное использование кратких причастий (как второстепенных сказуемых и в др. случаях) сочеталось с тем, что они передавали также значение обстоятельства совершения главного действия, выражен-

ного глаголом. Это в свою очередь определяло их переход в категорию предикативных обстоятельственных слов, т. е. деепричастий.

3. Начальный этап в формировании категории чешских деепричастий уже не отражен памятниками письменности. Самые ранние памятники (XIII—XIV вв.) представляют много примеров, в которых краткие причастия употребляются в функции обстоятельственных слов.

4. Процесс формирования грамматической категории деепричастий связан с постепенным изменением функции кратких причастий и занимает период в несколько веков, свидетельствуя об устойчивости грамматического строя языка и медленном его изменении.

5. Пути образования деепричастий в чешском литературном языке и народной, живой речи резко отличаются друг от друга. В литературном языке, отражавшем в период формирования деепричастий процесс смешения их форм по родам и числам, в дальнейшем становится преобладающей тенденция различения деепричастий по родам и числам. В народных говорах (как в древнепольском, древнерусском и других славянских языках в ранний период их развития) формирование деепричастий было связано с неразличением кратких причастий по родам и числам и установлением в дальнейшем форм деепричастия, различающих только категорию вида и времени.

6. Изучение процесса формирования категории деепричастий в чешском языке, наблюдения над конкретным материалом употребления кратких причастий в различных функциях в письменных памятниках разных славянских языков позволяет установить факт несомненной связи данных явлений в отдельных славянских языках, их историческую общность, а во многом также и общность путей развития данной грамматической категории в них, представляя, таким образом, неопровержимый материал, свидетельствующий еще раз о языковом родстве славянских наций.

В. Т. Коломиец

ПОРЯДОК СЛОВ В ЧЕШСКОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В свете диалектико-материалистического учения И. В. Сталина о языке, в частности о грамматическом строе языка, особое значение приобретает задача углубленного исследования явлений порядка слов. Правильное решение вопроса о порядке слов, о его смысловых функциях и его отношении к другим средствам языкового выражения особенно важно при изучении строя славянских языков с их богато развитой флективностью. Между тем вопрос о порядке слов в славянских языках один из наиболее слабо разработанных в советском языкознании. Отдельные высказывания по этому поводу в русском и других славянских языках, имеющиеся в трудах А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и Л. А. Булаховского, не нашли дальнейшего развития и систематизации ни у этих авторов, ни у других советских ученых. В связи с этим в работе некоторых советских языковедов до сих пор отражаются неверные или неточные представления о порядке слов как о средстве придания фразе ритмичности и благозвучия, об особой грамматической функции порядка слов вопросительных предложений в славянских языках, о том, что первое место в предложении является наиболее сильным с точки зрения подчеркнутости расположенного в нем слова и т. п. — представления, исходящие из недостаточного понимания внутренних закономерностей строя славянских языков.

Предлагаемая работа представляет попытку анализировать явления порядка слов на материале чешской прозы первой половины XIX в. с целью установить связь порядка слов и простых предложений — частей сложного предложения — с заданиями смыслового выражения. Выбор периода определялся стремлением проследить возможные исторические изменения исследуемых явлений в литературном языке, который находился в процессе интенсивной демократизации, обусловленной превращением старокнижного чешского языка в литературный язык сложившейся к тому времени чешской нации. В основу всей работы было взято положение диалектического материализма о единстве формы и содержания. Положение В. И. Ленина о том, что форма существенна, а сущность сформирована¹, отразилось в работе на раскрытии семантических функций всех разновидностей порядка слов в чешской прозе исследованного периода.

Исследованием были охвачены главным образом основные жанры художественной прозы — рассказ, повесть (в том числе некоторые исторические повести Тыла) и роман. Из произведений научной прозы рас-

¹ См. В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 119.

смотрены лишь философско-популярные и публицистические произведения Юнгманна.

Диссертация состоит из трех основных разделов и заключения. Работе предпослано небольшое предисловие. В первом разделе — «Постановка вопроса» — дается общий обзор истории разработки вопроса о порядке слов в славянских, в частности в чешском, языках и определяются основные методологические и методические принципы исследования порядка слов, построенные в соответствии с общими принципами марксистского языкознания. Во втором разделе — «Порядок слов в простом предложении» — исследуются закономерности смыслового функционирования явлений порядка главных и второстепенных членов простого предложения. Третий раздел — «Порядок слов и простых предложений в сложном предложении» — посвящен исследованию соответствующих закономерностей в сложно-сочиненных и сложно-подчиненных предложениях. В «Заключении» даются наиболее общие выводы относительно характера функционирования порядка слов и простых предложений — частей сложного предложения в чешском языке.

В результате исследования установлены следующие закономерности семантического функционирования порядка слов и простых предложений — частей сложного предложения.

1. В двусоставном нераспространенном предложении установлено несколько разновидностей порядка взаимного расположения двух его членов. Все эти разновидности распределяются между двумя основными типами порядка слов, названными в работе условно порядком нормальным и порядком инверсивным. К нормальному порядку слов причисляются все те разновидности словорасположения, которые являются только средством выражения объективно обусловленного строения смысловых отношений между элементами высказываемой мысли при отсутствии стремления со стороны говорящего (автора) выразить свое субъективное отношение к содержанию данной мысли; предложения с таким порядком слов произносятся с логическим ударением (иногда едва заметным) на последнем слове. К инверсивному порядку относятся те разновидности порядка слов, которые, помимо выражения объективно обусловленного строения смысловых отношений внутри высказываемой мысли, служат также средством выражения субъективной оценки говорящим содержания данной мысли, что заключается в усиленном логическом подчеркивании и связанном с этим перемещении того слова, которое при нормальном порядке занимает конечное место в предложении; предложения с инверсивным порядком слов произносятся с усиленным логическим ударением на перемещенном слове и с абсолютной безударностью конечного слова в предложении.

Одной из разновидностей нормального порядка слов в двусоставном нераспространенном предложении является прямой порядок подлежащего и сказуемого. Такое расположение служит средством выражения предикативного присоединения обычно нового понятия сказуемого к обычно известному уже понятию подлежащего и является наиболее распространенной разновидностью порядка главных членов предложения. При этом логически ударяется, иногда едва заметно, стоящее в конце предложения сказуемое. Например: *Jelenka ml:ela* (Němcová, Pohorská vesnice); *Bárta poslouchal* (Mácha, Čikáni); *Noc byla krásná* (Tyl, Břeněk Švihovský).

Второй разновидностью нормального порядка в предложениях данного состава является обратный порядок сказуемого и подлежащего, служащий средством выражения присоединения к известному уже для слушателя понятию предиката нового (иногда подтверждения или отрицания извест-

ного уже) понятия субъекта. При таком порядке логически ударяется стоящее в конце предложения подлежащее. Например: *A přiveden pak Vávra* (Tyl, *Slečna Lichnická*).

Каждой из этих разновидностей нормального порядка соответствует одна из разновидностей инверсивного порядка. Так, в предложении с нормальным прямым порядком типа *Jelenka mlcela* говорящий с целью особенно подчеркнуть наиболее важное при таком строении мысли понятие предиката переносит выражающее его сказуемое в положение перед подлежащим, где сказуемое особенно выразительно ударяется. Получается обратный порядок слов: *Zachvěl se cikán* (Mácha, *Cikáni*); *Umlkl Petr* (Němcová, *Pohorská vesnice*).

В предложении с нормальным обратным порядком слов типа *A přiveden pak Vávra* говорящий с целью особенно подчеркнуть наиболее важное при таком строении мысли понятие субъекта переносит подлежащее из нормального его конечного положения в инверсивное положение перед сказуемым, где подлежащее особенно отчетливо ударяется. Получается инверсивный прямой порядок слов: *Tato je panna Hedvika* (Tyl, *Dekret Kutnohorský*); после предложения *Já nejsem vaše Hedvika*); *J postava jeho byla důstojná* (Němcová, *Chudí lidé*); *Nikdo se nevyučil* (Jungmann, *Plivník*).

Для каждой из этих разновидностей нормального и инверсивного порядка слов двусоставного нераспространенного предложения в исследованных источниках констатирован ряд примеров.

Особенно выделяется такая разновидность нормального порядка двух членов нераспространенного предложения, которая служит выражением отсутствия или слабого проявления предикативной связи между заключающимися в подлежащем и сказуемом понятиями. Сюда относятся экзистенциальные и близкие к ним предложения, приближающиеся по содержанию к односоставным назывным. Целью их является только сообщение о наличии или отсутствии предмета или явления, выражаемого понятием подлежащего, между тем как глагол-сказуемое служит при этом или простым указанием на наличие данного явления с отнесением его к определенному времени (глагол *býti*), или сообщает конкретную форму бытия данного явления или предмета (глаголы, приближающиеся по своей семантике к глаголу бытия). В предложениях такого типа обычным является обратный порядок сказуемого и подлежащего с незначительным логическим ударением на подлежащем. Например: *Jsou žně* (Němcová, *Dobry člověk*); *Byl večer* (Mácha, *Cikáni*); *Nastalo pomlčení* (Tyl, *Dekret Kutnohorský*); *Přišla noc* (Mácha, *Cikáni*); *Úběhly svátky* (Němcová, *Pohorská vesnice*); *Zašla bouře* (Mácha, *Kat*).

При этом чем больше удаляется глагол-сказуемое по своей семантике от глагола бытия, тем самостоятельнее проявляется его понятие по отношению к понятию подлежащего, в результате чего усиливается предикативный характер его связи с подлежащим. Крайнюю степень развития этих отношений представляют предложения, в которых обратным порядком слов выражается предикативная связь между двумя новыми для слушателя понятиями подлежащего и сказуемого, Например: *Zavřela se síň a předsíň* (Mácha, *Krkonošská pout'*); *Zatřesou se Braniboři* (Tyl, *Poslední doby V Bílě věži*).

Изредка встречаются случаи инверсивного расположения членов нераспространенного двусоставного предложения с подобным строением смысловых отношений, при котором вынесенное в начало предложения подлежащее отчетливо логически ударяется. Например: *Slunce vycázelo* (Němcová, *Pohorská vesnice*).

Среди большого ряда примеров двусоставных нераспространенных предложений в чешской прозе исследуемого периода не оказалось ни одного такого, который бы не относился с очевидностью к одной из отмеченных здесь разновидностей семантически функционирующего порядка слов.

2. Установленное на материале двусоставного нераспространенного предложения понимание нормального и инверсивного порядка слов распространяется в работе на все прочие, все более усложненные способы расположения слов в распространенном предложении и расположения простых предложений, входящих в состав сложного предложения, с учетом в каждом отдельном случае семантической и формальной специфики привлекаемых к рассмотрению членов предложения и простых предложений — частей сложного предложения.

В частности, отмечается обычное расположение определения непосредственно возле определяемого как проявление особой роли этого члена в предложении, отличной от более самостоятельной роли обстоятельств и дополнений, которые нормально могут располагаться в любом месте предложения. Вместе с тем констатируются особенно сложные отношения в расположении определения относительно определяемого и относительно других неоднородных определений, характерные для чешской прозы исследуемого периода. Сюда относятся, в частности:

а) два вида локализационного отрыва определения от определяемого — один инверсивный, обусловленный стремлением к большей подчеркнутости определения, а другой — являющийся результатом перерождения атрибутивно-предикативного характера связи определения с определяемыми;

б) два способа взаимного расположения определения и определяемого, из которых (способов) препозиция определения относительно определяемого является нормальным средством выражения чисто атрибутивной связи двух понятий, при которой атрибутивное понятие рассматривается как составная часть, отдельная сторона понятия определяемого, а постпозиция определения является нормальным средством выражения атрибутивно-предикативного характера связи двух понятий, при которой понятие определения выделяется из понятия определяемого и вступает с ним в связь, приближающуюся к предикативной связи двух отдельных понятий; при этом намечается и тенденция к инверсии обоих способов взаимного расположения определения и определяемого;

в) несколько отчетливых тенденций к изменению старых норм литературного языка в расположении определения, проявляющихся на протяжении данного периода; из них наиболее важной является тенденция к вытеснению принятого в старом литературном чешском языке постпозитивного употребления определения, семантически не обусловленного, и к замене его отношениями, указанными в пункте «б».

Рассмотренные в разделе об определении явления порядка слов приводят к необходимости расширить понимание предикативной связи, элементы которой могут иметь место и между грамматически второстепенными членами предложения.

3. Основное положение, вытекающее из рассмотрения места дополнения и обстоятельства в предложении, заключается в том, что эти грамматически второстепенные члены предложения могут занимать любое место в предложении в зависимости от их роли в строении смысловых отношений внутри высказывания. Так, если дополнение или обстоятельство служит выражением наиболее важного при данном строении мысли понятия, введение которого в связь с остальными понятиями является целью высказы-

ваемой мысли, то оно располагается нормально в конце предложения, где более или менее заметно логически ударяется, или же инверсивно внутри или в начале предложения, где отчетливо логически ударяется, между тем как конечное слово предложения при такой инверсии лишено всякого ударения. Если же дополнение или обстоятельство не является выразителем наиболее важного для данного строения мысли понятия, то оно или выражает понятие второстепенное, дополнительное к основному смыслу высказываемой мысли, занимая в таком случае нормальное положение внутри предложения, или служит выражением исходного понятия, с которого начинается построение мысли, занимая при этом нормальное положение в начале предложения. Будучи выражением исходного понятия, дополнение или обстоятельство, расположенное в начале предложения, чаще всего вступает с сочетанием главных членов предложения в такую смысловую связь, которая оказывается важнее предикативной связи внутри сочетания главных членов, особенно если в предложении нет еще других дополнений или обстоятельств. В результате этого предикативная связь между подлежащим и сказуемым ослабляется обычно до такой степени, что это проявляется в обратном расположении сказуемого и подлежащего, какое уже было отмечено как особая разновидность нормального обратного порядка главных членов нераспространенного предложения.

На основании рассмотренных фактов становится совершенно очевидным, что при нормальном порядке слов местом, в котором любое слово предложения сильнее всего логически подчеркивается, является конечное место в предложении. Вторым по степени интенсивности логического выделения слова или словосочетания при нормальном порядке является начальное место в предложении, в котором располагаются слова, выражающие исходные для данной мысли понятия, обычно уже известные слушателю или сами по себе разумеющиеся. Некоторое выделение первого слова или словосочетания в предложении с нормальным порядком слов вызывается только общим движением повествовательной интонации, которая в начальной части предложения имеет свою высшую точку, однако при нормальном порядке слов ни начальное, ни срединные слова в предложении логически никогда не ударяются. Наиболее слабыми в смысле логического выделения помещенных в них слов при нормальном порядке являются внутренние места в предложении. В предложениях с инверсивным порядком слов инверсированное из конечного положения слово или словосочетание наиболее сильно подчеркивается при перенесении его в начальное положение, немного слабее подчеркивается при перенесении внутрь предложения. Любое слово, попавшее при инверсивном порядке слов в конец предложения, теряет почти полностью свой смысловой вес, вплоть до того, что часто может быть совершенно опущено при высказывании предложения. Таким образом, известное положение о наибольшей смысловой интенсивности начального места в предложении является совершенно правильным, но лишь для одного из двух способов инверсивного размещения слов.

Кроме указанных здесь общих закономерностей, отмечается ряд частных случаев обусловленности соответствующего расположения второстепенных членов предложения их семантическими и формальными особенностями, как это имеет место, например, при обстоятельствах образа действия и цели, а также особенностями смысловой связи данных членов предложения с другими членами или с предложением в целом.

4. Что касается предложений вопросительных любого состава, то принципы семантического функционирования в них порядка слов оказываются

совершенно теми же самыми, что и в предложениях повествовательных. При вопросе, относящемся к содержанию всего предложения, слово, выражающее наиболее важное при данном строении мысли понятие, как и в повествовательном предложении, ставится нормально в конце предложения или же инверсивно внутри или в начале предложения. Так же располагается и слово, которое является объектом вопроса в предложениях другого вида вопросительности, хотя в таких предложениях случаи инверсии данного слова учащаются. Только вопросительные слова располагаются обычно в инверсивном положении в начале предложения, хотя и от этого правила встречаются отклонения.

Таковы некоторые наиболее важные (с точки зрения автора) результаты анализа явлений порядка слов в простом предложении в чешской прозе первой половины XIX столетия.

5. Общие принципы расположения слов в сложном предложении те же, что и в предложении простом. По этим же принципам располагаются союзные и союзно-указательные слова в сложно-подчиненных предложениях, хотя их относительная смысловая роль полностью зависит от строения смысловых отношений в целом сложно-подчиненном предложении. Лишь в отношении глагола-сказуемого в сложном, как и в распространенном многими второстепенными членами простом предложении, в начале исследуемого периода была господствующей традиция искусственной постановки его в конце предложения, которая, однако, в процессе демократизации литературного чешского языка под конец периода была почти полностью вытеснена семантически обусловленным расположением глагола-сказуемого в соответствующих местах предложения.

6. Порядок расположения сочиненных предложений в составе сложно-сочиненных предложений отражает последовательность соответствующих самостоятельных мыслей в процессе мышления, которая в конечном счете обуславливается реальной последовательностью соответствующих явлений в действительности. В связи с этим каждое сочиненное предложение интонационно оформляется как совершенно самостоятельное простое предложение. Все эти моменты делают невозможным какое-либо — нормальное или инверсивное — изменение данного порядка сочиненных предложений без нарушения смысловых отношений между отдельными частями общей мысли, высказываемой сложно-сочиненным предложением.

7. В расположении простых предложений, входящих в состав сложно-подчиненных предложений, наблюдаются в основном те же закономерности, что и в расположении членов простого предложения: всякое простое предложение — главное или придаточное, на которое обращается основное внимание в сложно-подчиненном предложении, нормально располагается в конце сложно-подчиненного предложения, а инверсивно — в начале его; всякое простое предложение — главное или придаточное, не являющееся выразителем наиболее важной части мысли при данном ее строении, может быть и исходной частью общей мысли, высказываемой сложным предложением, и в таком случае располагаться в начале сложного предложения, или только сопутствующей второстепенной частью общей мысли, располагаясь при этом внутри сложно-подчиненного предложения, между отдельными простыми предложениями, или, если это придаточное предложение, — внутри главного предложения. Но наряду с этим порядок простых предложений, входящих в состав сложно-подчиненных предложений, отличается рядом особенностей, зависящих от вида придаточного предложения и от особенностей смысловой связи придаточного предложения с главным, которая часто занимает промежуточную ступень между подчинительной и сочинительной связью. Это проявляется, в частности,

в том, что большинство видов придаточных предложений не встречается в инверсивном положении перед главным предложением.

Кроме отмеченных здесь наиболее общих явлений, исследование порядка слов и простых предложений в составе сложно-подчиненного предложения в чешской прозе данного периода вскрывает ряд специальных моментов языкового строения, представляющих иногда значительный интерес.

В результате проведенного в работе исследования в значительной мере уясняется не только для чешского, но и для других славянских языков подлинная роль порядка слов в его постоянной взаимосвязи с интонацией и фразовым ударением как важного, строго упорядоченного средства выражения смыслового строения предложения. Смысловые отношения, выражаемые в чешской прозе фразовым ударением и порядком слов, представляют собой отношения между отдельными членами предложения, принципиально отличные от тех смысловых отношений, которые передаются большинством грамматико-синтаксических форм отдельных слов. Грамматическое строение предложений и грамматико-синтаксическая роль отдельных членов предложения в чешской прозе, как и во всех языках индоевропейской семьи, являются в преимущественном большинстве случаев не чем иным, как относительно точным воссозданием объективных отношений отражаемых в предложении предметов и явлений действительности. Грамматические категории различных членов предложения и синтаксические связи между ними служат гибкими, всесторонне отработанными языковым коллективом средствами передачи этих объективных отношений действительности. Лишь в отдельных случаях различные грамматические категории и грамматические связи употребляются для передачи различных субъективных точек зрения говорящего на одно и то же объективное явление (например, противоположность предикативной и атрибутивной связи или активного и пассивного оборота). В противоположность грамматическому строению предложения, которое является преимущественно выразителем объективной стороны его семантики, фразовое ударение и порядок слов служат для выражения отношения отдельных членов предложения к другим предложениям и их членам в контексте или к другим, не отражаемым в данном предложении, предметам и явлениям объективной ситуации, а также передают степень смысловой важности, придаваемой говорящим тому или другому члену предложения, независимо от его грамматической роли в предложении, а лишь в связи с данной ситуацией в целом и с путем ее осмысления говорящим или группой собеседников. Этот последний момент, который всегда достаточно выразительно проявляется в каждом акте речи, дает основания для противопоставления явлений порядка слов и фразового ударения, как выразителей главным образом субъективной стороны семантики предложения, явлениям грамматического оформления предложения, как выразителям его объективной семантики. Противопоставление это, конечно, не может быть абсолютным, ибо указанные противоположности в общей семантике предложения могут не только сходиться, но и при своем выражении переходить друг в друга: в ряде случаев грамматическими средствами могут передаваться только субъективные видоизменения одной и той же объективной семантики предложения, а явления порядка слов и фразового ударения при недостаточности собственно грамматических средств могут принимать на себя их функции. Несмотря на такую чрезвычайно невыразительную грань между семантическими функциями собственно грамматических средств, с одной стороны, и фразового ударения и порядка слов — с другой, принципиальное расхождение этих функций в чешской прозе.

исследованного периода совершенно очевидно. Этим объясняется в первую очередь тот факт, что в большинстве предложений чешской прозы, как и во многих других языках мира, имеют место два различных смысловых центра: грамматико-логический центр — предикативное сочетание сказуемого с подлежащим или главный член односоставного предложения — и центр, выделяемый фразовым ударением, который может приходиться на любой главный или второстепенный член предложения. Такая двуплановость смыслового строя предложения дает возможность рассматривать явления порядка слов и фразового ударения при более поверхностном подходе, даже без учета грамматической роли слов как членов предложения, а сам порядок слов в предложении трактовать в отдельных случаях как порядок размещения различных ступеней фразового ударения в предложении.

Осуществленное в работе подробное исследование большого количества разнообразных явлений порядка слов и предложений раскрывает в семантическом функционировании порядка слов не менее последовательные закономерности, чем в функционировании собственно грамматических (морфологических) средств языкового выражения. То обстоятельство, что порядок слов в связи с фразовым ударением и интонацией, с одной стороны, и морфологические средства оформления содержания предложения — с другой, не только взаимно дополняют и уточняют друг друга, но и нередко могут замещать друг друга в своих функциях, еще более сближает между собой эти две различные категории средств оформления предложения. Только общие (не до конца выдержанные) различия в характере их семантических функций в славянских языках да еще сильная традиция старого языковедения считать грамматическими средствами только все то, что главным образом проявляется в морфологии, заставляет относить порядок слов в славянских языках к категории средств грамматико-стилистических, несмотря даже на то, что одно из проявлений порядка слов, а именно примыкание, издавна считается в славянском языковедении грамматическим средством. Если же учесть, что те же семантические моменты, которые в славянских языках передаются порядком слов в сочетании с фразовым ударением, в языках иной структуры выражаются при помощи морфологических средств, то станет еще более очевидной необеспеченность абсолютного обособления порядка слов в славянских языках от других грамматических средств. Наиболее целесообразно было бы признать порядок слов во всех соответствующих языках грамматическим средством, особенности которого в славянских языках заключаются в том, что его смысловые функции здесь ограничиваются почти исключительно передачей субъективной стороны семантики предложения, между тем как морфологическими средствами выражается в этих языках и объективная (предметная) и в ряде случаев субъективная сторона семантики.

Имея в виду, что историческое исследование синтаксиса является по существу исследованием соотношений и взаимоотношений субъективной и объективной стороны семантики предложения в их всестороннем внешнем проявлении, легко понять всю важность исследования порядка слов в славянских языках, в первую очередь с этой точки зрения.

ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ НА СЛАВЯНСКИХ ОТДЕЛЕНИЯХ УНИВЕРСИТЕТОВ

ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ НА СЛАВЯНСКОМ ОТДЕЛЕНИИ МГУ в 1947—1951 гг.

1947 г.

- Безруких З. Предлог *o* в современном чешском языке.
Константинова Т. Место возвратной частицы *se (si)* в чешском предложении.
Набатова М. Язык Ондры Лысогорского.
Нагорная И. Язык Смила Фляшки из Пардубиц.

1948 г.

- Зайцева Н. Предшественники Вука Караджича в области реформы сербского литературного языка и правописания.
Можаяева И. Именное склонение в языке Динко Ранины.
Попова Т. Звук *x* в сербско-хорватском языке.

1949 г.

- Бузуева Т. Система глагола в болгарском говоре села Кирсова.
Котова Н. Говор села Твардицы Молдавской ССР.
Луцкая Н. Употребление причастий действительного залога настоящего времени на *щ* и причастий действительного залога прошедшего времени на *-вш* и *-ш* в болгарских литературных памятниках XVIII и XIX вв.
Оглоблина В. Язык братьев Миладиновых.
Полтораднева Э. Говор болгарского села Кирсова.
Прыткова Е. Употребление настоящего времени и имперфекта глаголов совершенного вида в современном болгарском языке.
Сенкевич М. Употребление прошедших времен в народных говорах Восточной Болгарии.
Швецова Т. Лексика села Твардицы МССР.
Бессонова Е. Употребление времен в поэме Мицкевича «Конрад Валленрод».
Владимирская Н. Польское мазурение.
Иванова Н. Об уменьшительных суффиксах имен существительных в польском языке.
Конева М. Винительный падеж в современном польском языке.
Курант И. Прошедшее время в польском языке.
Миронова М. Употребление причастий во Флорианской псалтыри.
Рихтер И. Носовые гласные во Флорианской псалтыри.

1950 г.

- Булкина Н. Плюсквамперфект, его значение и употребление в болгарском литературном языке.
Коженикова Г. Говор села Голица УССР.
Луколина Е. Прошедшее неопределенное время в современном болгарском языке.
Лунина М. Говор села Делены УССР.
Толстой Н. Предлог *od* в современном македонском языке.
Елкина Н. Употребление предлога *u* в современном сербском языке.
Тандуева Т. К истории развития видовых отношений в сербском языке. ✓

- З о р и н а Л. Значение и употребление притяжательных прилагательных в современном чешском языке.
- М у х и н а Д. Безличные возвратные конструкции в современном чешском языке.
- Т а н с к а я Р. Значение и синтаксическая роль кратких прилагательных в современном чешском языке.
- Т о п и л ь с к а я Р. Употребление кратких личных и возвратного местоимений в современном польском литературном языке.

1951 г.

- Б у н к и н а Э. Описание говора села Софиевки Запорожской области УССР.
- В о л ь ф е н з о н З. К вопросу об утрате именной флексии в болгарском языке.
- Ч и с т о р а з у м Э. Диалектизмы в ранних произведениях Ивана Вазова.
- Ю р и с о в а М. Страдательные причастия в современном болгарском языке.
- А с е е в а Г. Частицы в польском языке.
- В с е в о л о д о в а М. Двойственное число имен существительных в западнославянских языках.
- Г е р а с и м о в а Л. Формы выражения им. пад. мн. ч. имен существительных муж. рода и их употребление в западнославянских языках.
- К а ш к а р о в а И. Проблема классификации говоров.
- К у ц е н к о в а С. Синтаксис числительных в польском языке.
- Л а р и о х и н а Н. Сложные предлоги в современном польском языке.
- С е р д ю ч е н к о Г. Употребление будущего времени в современном польском языке.
- С и г а е в а Л. Наречия в современном польском литературном языке.
- С т р е к а л о в а Э. Об эмоциональных суффиксах польского языка и их стилистическом использовании.
- Т у ч и н а В. Безличные конструкции в современном польском языке.
- У л ь я н о в а Л. Отглагольные существительные в современном польском языке.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
С. Б. Бернштейн. О некоторых вопросах сравнительно-исторического метода в языковедении	3
Е. В. Чешко. Проблемы болгарского языковедения в свете сталинского учения о языке	14
Г. Шилина. Работы И. В. Сталина о языке и чехословацкое языковедение	22
Ю. С. Маслов. О некоторых спорных вопросах нормативной грамматики, орфоэпии и орфографии болгарского литературного языка	28

Диссертации

И. К. Бунина. Говор ольшанских болгар	49
Е. В. Немченко. Из истории кратких причастий действительного залога в чешском языке	59
В. Т. Коломиец. Порядок слов в чешской прозе первой половины XIX в.	67

Дипломные работы по языковедению на славянских отделениях университетов

Дипломные работы по языковедению на славянском отделении МГУ в 1947—1951 гг.	75
Л. П. Ивановская. Дипломные работы по языковедению на славянском отделении ЛГУ в 1950/51 г.	77

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства - Г. А. Лесский
Технический редактор Т. В. Полякова

*

РИСО АН СССР № 5157. Т-07739. Издат. № 3611.
Тип. заказ № 638 Подп. в печ. 1 XI-1952 г.
Формат бум. 70x108^{1/4}. Печ. л. 6,85
Уч.-издат. 6,3. Тираж 3000.
Цена по действующему 1952 г. 3 руб. 80 коп.
2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

Цена 3 руб. 80 коп.

52527
RU

